



Ася Минина  
Фрида Ли

# Сёстры Вороновы

Ася Минина

**Сёстры Вороновы**

«Литнет»

2025

## **Минина А.**

Сёстры Вороновы / А. Минина — «Литнет», 2025

1826 год. Полковник Георгий Александрович Воронов, декабрист, арестован. Он умирает в тюрьме, не дожив до приговора. Его жена и три дочери - Анна, Мария и Ольга - остаются без средств к существованию. 1836 год. Десять лет спустя, молодые девушки сталкиваются с суровой реальностью: жизнь без денег и связей полна трудностей. Каждая из них мечтает о любви и счастье, но смогут ли они преодолеть испытания судьбы? Книга вошла в шорт-лист конкурса семейных саг «Семейный портрет»! В тексте есть: - три очень разные героини со своими интересами, мечтами и надеждами - Петербург первой половины XIX века - различные социальные слои, но везде со своими подвохами - много драмы и страданий, но будем надеяться, что в конце концов все будет хорошо :) Возрастное ограничение 18+ обусловлено тем, что в тексте присутствует описание жизни такой, какая она есть, со всеми ее негативными проявлениями, такими как распитие алкогольных напитков и курение, что авторы, несомненно, осуждают, но не могут игнорировать.

© Минина А., 2025

© Литнет, 2025

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 5  |
| Приветствие от авторов:)          | 7  |
| Глава 1. Анна                     | 8  |
| Глава 1. Мария                    | 12 |
| Глава 1. Ольга                    | 16 |
| Глава 2. Семейный ужин            | 19 |
| Глава 3. Анна                     | 22 |
| Глава 3. Мария                    | 27 |
| Глава 3. Ольга                    | 30 |
| Глава 4. Ужин признаний           | 36 |
| Глава 5. Анна                     | 38 |
| Глава 5. Мария                    | 43 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 48 |

## Пролог

*Санктъ-Петербургъ*

*Март 1826 года*

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй раба Твоего Георгия, прости ему все согрешения вольные и невольные, и даруй ему Царствие Небесное, и вечный покой...

Слова священника разносились по кладбищу музыкой. Последним погребальным маршем под хруст падающих снежинок и ледяной звон морозного воздуха.

Слова плыли над землей, словно свинцовые тучи, придавливая своей тяжестью семью Вороновых.

Тихо, надломлено, отчаянно причитала супруга Георгия Дарья Тимофеевна. А рядом с ней стояли три маленькие девочки, с трудом понимающие, почему их отец лежит в узком деревянном ящике, а мама рыдает над ним.

Из всех трех только Анна достигла того возраста, когда начинаешь осознавать, что такое смерть. Она не могла оторвать взгляда от бледного, осунувшегося лица отца. Он лежал в гробу, такой чужой и нереальный, словно восковая фигура. В одно мгновение он стал таким далеким. Он больше не засмеется, не похвалит ее за прочитанную книгу, не подхватит на руки и не сожмет в своих крепких объятиях.

Она должна была молиться за упокой его души, но даже простое «аминь» застряло в горле комом невыплаканных слез. И только где-то в глубине души она в сотый раз повторяла: «Пусть это будет сон, пусть это будет сон...»

В левой руке она сжимала холодную ладонь Ольги. Совсем еще малышка Олечка, обычно лучащаяся здоровьем и энергией, была теперь неестественно бледна. Она гадала, что же будет дальше с папой. Отец Никодим говорил, что папочка ушел в Рай, но как-то забыл уточнить, где это и как скоро он вернется. Она насупила брови и сжала руку старшей сестры, ища привычной поддержки, какую всегда получала от матери, теперь занятой собственным горем.

По правую руку от Анны стояла Мария. Хрупкая, но всегда такая жизнерадостная сестренка, казалось, всего за несколько дней повзрослела на десяток лет, а если быть точнее, постарела. Закутавшись в шаль, она дрожала, словно изможденная старушка, потерявшая последние силы. Её большие зеленые глаза провалились, а на уголках девичьих глаз появились предательские мелкие морщинки. Но не от смеха, нет. От горя. Горя, которое поработило семью Вороновых.

Март вторил им в безутешном плаче. Голые деревья дрожали. Возможно, от ударивших ночью заморозков. А может, от безмолвных рыданий по безвременной потере.

Во всем чувствовалась обреченность, холодная и беспощадная, как сама смерть. И даже приход весны отметился лишь в календаре, на деле проиграв суровым зимним ветрам.

Отец ушел. И вместе с ним, казалось, ушла и частичка их души, оставив лишь леденящую пустоту и невыносимый страх перед будущим.

– Аминь, – выдохнула Анна, словно выпустила из груди последнее тепло. И тут же, не в силах больше сдерживаться, до крови прикусила губу, чтобы не издать истошный крик, когда послышались первые удары молотка.

Тук... тук...

С каждым ударом молотка в гроб вбивался гвоздь. С каждым ударом в сердце вбивалось осознание потери.

Тук... тук...

Юное девичье сознание отказывалось принимать происходящее: доски, гроб, и он, их отец, погребенный под толщей земли. Эти звуки, такие обыденные и потому еще более невыносимые, навсегда отпечатались в их памяти.

Три маленькие девочки не должны были слышать этого – этих похоронных, добивающих сердце ударов. Но как бы им ни хотелось изменить судьбу, теперь это была их реальность...

Когда все закончилось, и над могилой поднялся свежий холм земли, Анна крепко обняла младшеньких – Марию и Ольгу, прижав их к себе так сильно, словно пытаясь защитить от всего ужаса, обрушившегося на них.

– Пойдемте, девочки, – прошептала Анна, чувствуя, как слезы стали болезненно сдавливать горло. – Маме сейчас нужно побыть у могилы отца одной.

Они послушно пошли за старшей сестрой. Маленькие, потерянные тени на фоне холодного, серого марта. В тот день в душе каждой поселились глубокая, могильная тоска, предчувствие одиночества и неизбежных перемен...

## Приветствие от авторов:)

Дорогие читатели!

С огромным удовольствием представляем вам нашу новинку!<br>Чего только не бывает, когда автор современных любовных романов случайно встречается с автором фэнтези историй:) В нашем случае появилась идея исторического семейного романа.

Что если смешать "Маленьких женщин" с "Бриджертонами" и добавить к этому классических русских оттенков? Что ж, у нас с вами есть шанс узнать совсем скоро.

А пока предлагаем познакомиться с нашими героинями (уже несколько повзрослевшими по сравнению с событиями пролога)

Самая старшая из сестер Анна. Именно на ее плечи после смерти отца ложится забота о семье. <br> Умная, рассудительная и ответственная, она уже давно поставила крест на личном счастье. Но, возможно, скоро все изменится?

Средняя по старшинству Мария напротив отличается мечтательностью, верой в любовь и светлое будущее. Оправдаются ли ее надежды, или жизнь преподнесет ей жестокие сюрпризы?

Самая младшая Ольга - натура творческая. Ее жизнь - искусство, ее мечты - картины, а цели - добиться успеха своим талантом. Но одна случайная встреча может показать ей, что в искусстве самое ценное - любовь.

Вот такие три сестры. Их ждет немало трудностей, боли, страданий, разочарований. Но, быть может, в конце концов тернистый путь приведет их к счастью.

## Глава 1. Анна

*Санктъ-Петербургъ*

*Март 1836 года*

Зима 1836 года выдалась самой холодной на моей памяти; холоднее, чем десять лет назад, когда ушел отец.

Даже теперь, когда весна робко постучалась в двери Петербурга, его улицы все еще были укрыты белым саваном снега, а небо затянуло серой дымкой, словно зима всё никак не желала отпускать столицу из своих ледяных объятий.

Пока я спешила к зданию новой прогрессивной гимназии (слышала, что сам Государь дал своё благословение на строительство этого учебного заведения), ноги промокли насквозь – пришло время залатать в очередной раз прохудившиеся ботиночки. Поднимаясь по лестнице до кабинета директора, перестала чувствовать пальцы, но, на мое счастье, в приемной комнате был камин.

– Ожидайте, – чуть высокомерный взгляд секретаря обжег мое лицо – взгляд, который могут позволить себе только мужчины; взгляд, в котором читается пренебрежение и недовольство, ведь я сижу у камина здесь, а не в собственном доме с несколькими детьми.

Но что мне этот взгляд? Я давно к нему привыкла.

Я придвинулась ближе к камину, и тепло медленно, но верно проникло в мое окоченевшее тело. Невольная улыбка расцвела на лице, а к щекам прилила кровь, и мне так захотелось раствориться в этом тепле, забыть хотя бы на мгновение обо всем: о холоде, об осуждающем взгляде, что буравит меня, и о хлюпающей воде от талого снега в ботинках.

Украдкой достала маленький, потрепанный томик – самое дорогое напоминание об отце, подарок, что прошел долгий путь от Парижа до Петербурга – и с упоением погрузилась в знакомые строки...

*Quel coup affreux du sort*

*Dans ces lieux empestés vous fait chercher la mort?[1]*

([1] Прим. автора: фр. Как рок тебя привел? Иль в пагубны места за гибелью пришел?)

– Сударыня, – услышала я голос, но не обратила на него внимания. Хотя строчки трагедии и звучали мрачным предзнаменованием, тепло и родные слова приятно окутали тело и душу, вернув меня на мгновение в детство.

*Ces climats sont remplis du céleste courroux ;*

*Et la mort dévorante habite parmi nous.[2]*

([2] Прим автора: фр. От неба строгий глас губит весь здешний край. И ты отрады здесь найти не уповай.)

– Сударыня! – снова услышала я чей-то голос. – Вы горите!

– О, Боже милостивый! – воскликнула с отчаянным воплем, и резкий запах дыма внезапно вырвал меня из сладостных объятий тепла, возвращая в суровую действительность.

Вскочив, начала быстро бить руками по подолу платья, пытаясь сбить танцующее на нем пламя. Я мечтала о тепле, но не о таком, столь прямом и страшном!

Внезапно я почувствовала, как ткань под моими пальцами стала влажной, и пламя исчезло, словно по волшебству. Подняла взор и встретила с холодным взглядом высокого молодого человека, держащего в руке пустую вазу.

Серые будни вернулись запахом гари и гиацинтов, засыпавших маленькими цветочками подол моего платья.

– Вам следовало бы быть внимательнее, – холодно произнес незнакомец. Его слова пронзили мое тело самодовольным превосходством. – И меньше читать, – добавил он, переведя ледяной взгляд с моего лица на книгу, что я держала в руках.



Горячая краска прилила к щекам, а он, не произнеся ни слова, внезапно вырвал книгу из моей руки. Его длинные, аристократические пальцы быстро пробежали по обложке, и презрительный хмык сорвался с тонких губ.

– Любопытный выбор... – протянул он с легкой снисходительной насмешкой. – Для женщины.

Не в первый раз я столкнулась с непониманием со стороны мужчины. Но впервые взгляд холодных серых глаз так глубоко меня ранил.

– Считаете, что кроме сентиментальных романов женщины ничего не читают? – спросила я, приподняв бровь.

– Считаю, что женщине полезнее читать Библию, чем французских просветителей.

– Бог, повелевший свету воссиять из тьмы, озарил сердца верующих, чтобы они познали славу Божию[3].

([3] [1, 2 Кор. 4:6].)

Он ничего не ответил, только глаза превратились в две узкие щелочки, сквозь которые он будто пытался оценить, достойна ли я еще одного унижительного комментария.

– Анна Георгиевна! – мое громко произнесенное имя прервало наш с незнакомцем поединок взглядов. – Анна Георгиевна Воронова!

Так и не удостоив меня ответом, молодой господин протянул мне томик. Сердце болезненно сжалось, когда я взяла в руки свое самое дорогое сокровище. На ярмарке мне предлагали за него два рубля, но разве есть цена у того, что хранит память об отце?

Стоило бы поблагодарить незнакомца за спасение от огня, но слова застряли комом в горле. Благодарность и разочарование сплелись в тугой узел, и все, что я смогла из себя выдать – легкий кивок.

Уголки его губ сложились в легкую ухмылку, и он уступил мне место, жестом приглашая войти в кабинет. А ведь именно из-за него мне и пришлось ждать аудиенции у директора гимназии – Дмитрия Васильевича Кузнецова.

Собравшись с духом, я робко переступила порог, стараясь скрыть дрожь, охватившую колени.

– Анна... Анна Георгиевна, – тяжело произнес Дмитрий Васильевич, как только я опустилась на стул напротив него. Я сразу же поняла: приговор мне уже вынесен. – Мне...

Собрав силы, я выпрямила спину и решительно перебила его, нарушив все правила этикета:

– У меня отличное образование. Я свободно говорю на французском и греческом языках. Знаю латынь, – мой голос слегка дрогнул, но не моя уверенность в том, что я была достойна этого места. Да, после смерти отца гувернантки у меня не было, но старая графиня Леонтьева Мария Михайловна, царствие ей небесное, многому научила меня, пока я за ней ухаживала. – Кроме того, я изучала педагогические методы. Я хочу передавать знания. Хочу учить.

Его равнодушный взгляд проскользнул по мне, но меня все же удостоили вежливых покачиваний головой, так что я продолжила:

– Воспитание моих сестер полностью лежало на моих плечах, – это не хвастовство, это то, чем я по праву могла гордиться. – Благодаря моему вниманию и заботе, они получили лучшие манеры и образование, что подтверждает мою способность не только учить, но и воспитывать. Я умею находить подход к каждому ученику, поддерживать дисциплину и...

– К сожалению, я не могу тебе ничего предложить, – остановил меня Дмитрий Васильевич, стараясь не смотреть мне в глаза. – В нашем заведении нет подходящей работы для тебя и...

– Но ведь вам нужен учитель французского, – отчаяние захлестнуло меня, но я не собиралась сдаваться. – А я...

– Учитель, а не учительница, – резко прервал меня он. – Мне очень жаль, но – нет.

Его слова прошлись ножом по моему сердцу. Словно удары кувалдой у кузнеца, она заставили мое сердце сжаться, и окрепнуть, как крепнет качественная сталь.

– Я... Я понимаю Вас, – в моем голосе не было ни намек на слезы, ведь их я приберегу на вечер, когда мама и сестры уснут после скудного ужина.

– Анна, – а вот в его голосе послышалась горечь сожаления. – Мне искренне жаль. Если бы я мог, то я бы обязательно... Ты ведь знаешь!

Я знала. Я видела в его глазах чувство вины и раскаяния – вины перед моим отцом за то, что он не может мне помочь.

Дмитрий Васильевич знал меня с самого детства, добрый друг моего отца, он был свидетелем каждого моего успеха и каждой неудачи. Он был одним из тех, кто аплодировал мне, когда папенька ставил меня на стул во время одного из приёмов в нашем доме, а я без запинки читала строки из «Илиады» Гомера на греческом.

– Почему бы тебе просто не стать гувернанткой? – мужской голос прозвучал мягко, но с оттенком сожаления. – С твоими навыками и знаниями это была бы достойная...

Я не стала слушать его дальше.

Гувернантка... Это означало покинуть родительский дом, оставить мать, которая так и не оправилась после утраты отца, бросить сестёр на произвол судьбы.

Нет, я не могла этого сделать! Я дала клятву – клятву на сырой, могильной земле, у подножия отцовского креста. Я поклялась, что сначала налажу жизнь Марии и Ольги, выдам их замуж за достойных людей, обеспечу им будущее, о котором сама могу только мечтать, а уже потом... потом, может быть, я позволю себе подумать о своей жизни.

И тогда бы роль гувернантки была бы для меня лучшим вариантом. Свобода, пусть и относительная, свой угол, возможность применить свои знания – для старой девы, какой я уже стала в свои двадцать четыре, это было бы спасением. Побегом от тоски и серой безысходности.

Но не теперь. Не с матерью, живущей остатками бывшего счастья; не с двумя сестрами, которые нуждаются в моей поддержке и наставлениях, а еще больше – в деньгах, сытном ужине и новых ботиночках на весну.

В глазах предательски зацепало. Ярость, обида и отчаяние смешались в горький, едкий напиток, который начал медленно отравлять мое тело, но я не позволила слезам проступить наружу. Жизнь научила меня сдерживать их.

Я ведь и не ждала, и не надеялась на чудо. Какое чудо может быть в мире, где смерть отца перечеркнула наше будущее? В мире, где мужчины смотрят на меня свысока лишь потому, что я должна работать ради себя и сестер. В мире, где мои надежды и мечты разбиваются о стену жестоких предрассудков.

– У меня как раз есть человек, который ищет гувернантку для своей младшей сестры, – Дмитрий Васильевич искренне хотел помочь, чтобы не чувствовать свою вину так остро. Он протянул мне маленькую записку с аккуратно выведенным адресом. – Оплата вдвое больше, чем обычно. – Теплые мужские пальцы ненадолго задержались на моей руке, слегка сжав мою ладонь, и в этом прикосновении я почувствовала поддержку, ту самую мужскую, отцовскую поддержку, которой мне так не хватало. – Я сообщу ему, что ты, возможно, решишься попробовать.

Он с радостью помог бы мне, если бы не жесткие социальные рамки, в которых мы вынуждены были жить, помог бы во имя светлой памяти моего отца, которого считал своим другом.

А может, мне просто хотелось бы в это верить, хотелось бы найти причину его отказа, ведь я не могла держать на него зла. Не мне было винить его в своих страданиях и тяготах жизни, не он создал этот мир и не он им управлял, пусть ему и представился шанс повлиять на мою судьбу.

Я бережно сложила записку, спрятала её в карман платья, и, сдерживая едва слышимый всхлип, и тихо произнесла лишь одно слово:

– Благодарю.

## Глава 1. Мария

Рубиновая тафта переливалась в солнечных лучах всеми цветами радуги. Ах, какое сладостное, давно забытое ощущение!

Кажется, я шла в мелочную лавку за крупой. Или на базар за репой? Увидев ее, эту роскошную ткань, через витражное стекло, я позабыла обо всем и замерла, очарованная блеском прошлого.

Теперь в моем гардеробе было не встретить таких нарядов. Теперь у меня и гардероба-то не было. Бархатное детство в кружевном чепце сменилось суконной юностью в драдедамовом платке.

Еще бы! Зачем, спрашивается, муслин и ажур той, кого не приглашают на званые ужины и балы? Зачем шелковые туфельки той, кому больше не приходится отплясывать кадрили и кружиться в вальсе?

Вот и Анна считала, что не за чем. Но я ведь помнила. Помнила эти вечера из детства, когда для взрослых шампанское лилось рекой, а детям давали конфеты. Настоящие. Верх мастерства кондитера, выпisanного из самого Парижа. Они исчезали с серебряных подносов быстрее, чем успевали объявить об их подаче.

Блеск тафты будто перенес меня на мгновение в прошлое. И я услышала призрачный отголосок музыки и шелест платьев, почувствовала запах духов и легкое головокружение от восхищения, танцев и усталости.

Но в мои воспоминания громом посреди ясного неба ворвался звонкий женский голос из прошлой жизни:

– Мария? Мария Георгиевна Воронова, душенька, ты ли это? Какая встреча!

– Елизавета Михайловна, как приятно Вас видеть, – на самом деле, ничего приятного в этой встрече не было. По крайней мере, для меня. Елизавета Михайловна всегда была из тех, кто по секрету рассказывала всем о каждом своем шаге.

Не удивлюсь, если уже завтра весь Петербург будет болтать о судьбе бедняжки Машеньки, подававшей такие надежды на блестящую партию, но оставшейся без приданого и шансов на успех после смерти отца.

– Мария, дорогая, как я рада, ты даже не представляешь! Как давно мы тебя не видели. Софушка так скучала по тебе. Хотя она у нас теперь стала важная, только на Софию Николаевну и откликается. Она ведь на той неделе вышла в свет. Какой чудесный бал был у Обленских, – Елизавета Михайловна как обычно говорила без умолку, спеша поделиться последними новостями.

Но лишь прозвучала знакомая фамилия, как у меня по спине пробежал холодок. Обленские... Когда-то я вбегала в их дом, как к себе, трепала по холке их пса Сбогара и бросалась в Павла яблоками, собранными в саду Варвары Николаевны. И все мне сходило с рук – мои родители и Павла только посмеивались над нашими детскими забавами.

– Ты что же собираешься зайти к мадам Колетт? Присматриваешь себе наряд на званый ужин у Обленских? – в потоке собственной речи Елизавета Михайловна вдруг вспомнила обо мне.

Глаза сами вернулись к рубиновой тафте за стеклом одного из самых модных ателье столицы. Нет, теперь мне такое не по карману. Но признаваться в этом главной сплетнице города я не хотела.

– А по какому случаю званый ужин? – ловко ушла я от ответа.

Елизавета Михайловна прищурилась, будто проверяя, пошутила я или действительно не знала.

– Так, Павел Александрович вернулся из Парижа, – Елизавета Михайловна улыбнулась. Наверное, решила, что я хотела ее разыграть. А я... Откуда мне было знать, что он вернулся? Заметив растерянность в моих глазах, она тут же поспешила исправиться, – Ох, Машенька, неужели ты не знала?

Конечно, нет! Стал бы Павел писать мне, как же! Он и не вспоминал меня, свою маленькую Машеньку – там, в Париже, девушек хватает, куда мне с ними соперничать. Боль обиды поднялась из глубины души, смешиваясь с робкой надеждой. Он вернулся...

– Мне пора идти. Приятно было повидаться. Передавайте привет Софье, – скороговоркой произнесла я, стараясь скрыть смутение. Я больше не могла, не хотела выносить ее любопытный взгляд.

Но словно злой рок преследовал меня – стоило отвернуться от Елизаветы Михайловны, и я увидела его.

Павел.

Мой Павел.

Какой-то дурной сон! Наваждение, не иначе.

Он шел по Невскому проспекту неспешно и вальяжно. Как будто прогуливался по парижским бульварам. Безукоризненно одет, но чувствовалась в наряде легкая элегантная небрежность, свойственная изящным господам его возраста. Он изменился. Стал взрослее, серьезнее. Но ему, видимо, казалось, что изменилось все вокруг – так задумчиво он разглядывал петербургские улицы.

Мое сердце замерло. Пропустило удар. Время остановилось. Дыхание свело. И я совсем забыла, куда шла и зачем. Павел здесь. Мой Павел здесь! Он в Петербурге! Так близко, что я могла бы подойти, заговорить, дотронуться до него рукой. Почувствовать его аромат.

И все же он был так далеко, как и тафта за стеклом. Лишь призрак моей прошлой жизни. Напоминание о первой детской любви, разбившейся о серый гранит петербургской мостовой.

А он все смотрел, оглядывался вокруг. И вдруг случайно его голубые глаза скользнули по моему лицу. Он заметил меня. Не узнал. Шутка ли, столько лет прошло. Но прошла секунда, и что-то изменилось в его взгляде. В нем появилось удивление. И вот уже наши взгляды столкнулись в молчаливом глубоком диалоге.

Всего пара решительных шагов, и он замер в метре от меня. Его губы беззвучно прошептали:

– Мария...

Холодным порывом ветра еле слышный шепот обжег мое лицо. Он не подошел ближе. И не прошел мимо. Он просто остановился и смотрел на меня, словно боялся разрушить хрупкость этого мгновения. Словно не мог поверить, что перед ним стою я, та самая девчонка из его детства, что играла с ним в прятки, а после подросла и танцевала на детских балах, устраиваемых его родителями. Всегда в паре с ним...

– Павел Александрович! – наш беззвучный диалог был прерван. Но не мной и не им, а Елизаветой Михайловной, которая все еще стояла за моей спиной. – А мы вот с Марией Георгиевной как раз о Вас говорили.

Она протянула ему руку для поцелуя. И Павел машинально поцеловал ее, по-прежнему не отрывая от меня взгляда.

– Обо мне? – спросил он рассеянно, будто мыслями он все еще был в Париже.

– О Вас, о Вас, Павел Александрович, – закивала головой Елизавета Михайловна. – Мария Георгиевна как раз выбирала наряд на званый ужин в честь Вашего приезда.

Ее слова заставили меня покраснеть.

– Это правда? – с надеждой посмотрел на меня Павел. – Я рад это слышать. Мне очень не хватало Вас... Мария Георгиевна.

Ему не хватало меня... Я и не надеялась услышать такое из его уст.

Но мы оба знали, что это не правда. Меня никто не звал на бал. И на прием меня никто не позовет. Я была отличной партией для Павла, когда была дочерью известного полковника. Но со смертью отца все изменилось. Мы остались без гроша в кармане, ведь жалование больше не выплачивалось, а в пенсии матери отказали. Без связей *рара* мы стали никому не нужны. Три осиротевшие бесприданницы, рожденные в неравном браке актрисы и полковника.

– Я не приглашена на прием, – печально покачала я головой.

– Как же так? Как же так? – тут же запричитала Елизавета Михайловна с притворным сочувствием.

– Это, наверное, какая-то ошибка, – пробормотал Павел. Но его глаза так забежали из стороны в сторону, что я не сомневалась, он был в курсе.

Еще бы! После смерти отца его родители даже не удосужились послать нам слова утешения. А после и вовсе отправили своего единственного сына на учебу в Париж. Но и Павел не написал мне ни строчки за все эти годы. Пусть мы и переехали, но он мог бы узнать адрес. Если бы захотел.

– Мне пора идти, – с холодной невозмутимостью произнесла я. – Рада была увидеться, Павел Александрович, Елизавета Михайловна, – легкий кивок головы в знак уважения важным господам.

И пусть с моей стороны было грубо вот так прерывать разговор. Но я не хотела, чтобы Павел или Елизавета Михайловна увидели мои горечь и обиду, что скрывались за маской непринужденности.

Я пошла дальше по Невскому, не обращая внимания на пронизывающий ветер. Ветер, что проникал через потертую овчинную дубленку до глубины моей души, заставляя сжиматься от холодной пустоты, которую он оставил после себя.

И тут, словно во сне, я услышала за спиной его шаги.

– Мария! Мария, подожди!

Я не остановилась, но он схватил меня за руку, заставляя развернуться и посмотреть в его глаза. Этот взгляд... В нем раскаяние, мольба, надежда – все смешалось, лишь бы воскресить мою веру в то, что между нами еще что-то возможно.

И мне хотелось верить! Хотелось верить в любовь как в сказке. Любовь, что прошла долгий путь от первой детской дразнилки до робкого поцелуя в щеку в тени цветущих яблонь.

Мои сестры не верили мужчинам. Они ненавидели их. За то, что мужчины мешали им добиться успеха.

Мои сестры все бы отдали, чтобы родиться мужчинами. Анна, чтобы стать преподавателем. Уважаемым человеком, воспитывающим юные умы. Ольга, чтобы стать художником. Известным творцом, чьи картины покупают самые изысканные ценители.

А я просто хотела верить в любовь. Пусть мужчины правят миром. Женский удел – управлять сердцами. И чем богаче тот, кого ты любишь, тем успешнее сложится твоя жизнь.

– Что Вам угодно, Павел Александрович? – я не говорила, я выдохнула эти слова вместе с облаком пара из своей груди. Вместе с частичкой сердца, что так отчаянно рвалось к нему в объятия.

И надо было отстраниться от него, высвободить руку и пойти дальше в мелочную лавку. Но тело предало меня. Я стояла, не в силах противиться его прикосновениям.

– Я... Вы... – запнулся он, пытаясь подобрать слова. – Я приглашаю Вас на прием, Мария Георгиевна. Я буду очень счастлив видеть Вас, и... я хотел бы видеть Вас в красном, – произнес он, глядя мне прямо в глаза. – Этот цвет был бы очень Вам к лицу.

Он пригласил меня... Он подумал, что мне подойдет... Это ли не чудо?

– Так Вы придете? – его голос был полон кроткой надежды, и я не могла ему отказать. Я никогда не умела отказывать ему.

Мой невольный кивок, и он улыбнулся с облегчением.

– Я буду ждать Вас, – он едва коснулся губами моей руки. Но даже этот простой жест вежливости стал для меня знаком наших чувств. Легкий поцелуй прокатился волной до самого сердца.

Ах, что за дивный день! Красное платье... Званный вечер... Павел... Все это казалось каким-то безумием, каким-то сном. Но я обязательно приду. Я не могу не прийти!

## Глава 1. Ольга

Тонкий взгляд лезвием пробежал по моей картине, не задержавшись ни на мазках, ни на оттенках. Мужчина подошел сзади так близко, что дыхание перехватило.

Ненавижу, когда кто-то наблюдает за моей работой! Рука невольно затряслась, и кисть сама соскользнула не в ту сторону. Какое счастье, что это масло. В масле все можно исправить.

Но кто-то за спиной уже заметил случайную ошибку. Я услышала тяжелый, полный недовольства вздох, едва заметное цоканье языком, а потом и тихий шепот:

– Кто ж так пишет?

Холодное солнце заливало ярким светом Михайловский сад, заставляя меня зажмуриться и рисовать вслепую, по чувствам. И я отдалась этому чувству прекрасного, подарив серому небу Петербурга дерзкий алый мазок.

Тот, кто наблюдал за мной, пришел в ужас от этой вольности.

– Лучше б замуж пошла, чем так холсты портить.

– Замуж? – повернулась я к нему с милой, почти невинной улыбкой, за которой скрывалось бушующее пламя злобы, пожирающее меня изнутри. – А что, возьмете меня? Только предупреждаю, жена из меня получится еще хуже, чем художница.

Седовласый мужчина фыркнул, коротко и пренебрежительно, словно мои слова – запах скипидара, который оскорбил его утонченное обоняние. Его взгляд, медленный и оценивающий, остановился на моих брюках. Старых мешковатых брюках, что пахли краской, табаком и отцом. Я украла их из его гардероба после смерти, пытаюсь сохранить хоть частичку его тепла. И так ли важно, как они на мне сидят, если в них я чувствую – отец рядом?

Но в глазах мужчины читалось неприкрытое отвращение. Он не видел во мне ни женщины, ни художника. Он видел нечто, выбивающееся из привычной ему картины мира.

Они такие, мужчины. Им не дано понять, что значит творить по-настоящему. Не по академическим канонам с его четко выверенными пропорциями, а по велению сердца. Они видят в моих работах мазню. Я вижу в них всплеск эмоций, обнаженные нервы, взрыв, пожар, бунт моей души. Мое я.

Такое невозможно оценить по строгим нормам традиционной живописи.

А уж если картина написана рукой женщины... Не той жеманной девицы, что пишет пастораль ради хвалебных комментариев кавалеров на приемах. Эти девицы хотят выделиться на рынке невест своей «тягой к искусству».

В настоящем искусстве не бывает причин творить. Настоящий художник не может жить без своих картин. А я настоящий художник, пусть и с женским именем.

Но я давно привыкла к непониманию. Такие мужские взгляды как мелкий петербургский дождь. Они постоянно моросят вокруг меня, пытаюсь намочить, принизить, заставить спрятаться.

Мир искусства – это крепость, которую мужчины охраняют с маниакальным упорством, хотя, на мой взгляд, они ничего в нем не понимают. Мужчины могут воевать. Мужчины знают толк в торговле и в управлении государством. Но им не хватает чувственности, чтобы перенести реальный мир красками на бумагу.

И все же для них я – нонсенс. Брешь в стене крепости, которую им нужно немедленно заделать, иначе она может дать слишком много трещин.

– Я дам пятнадцать копеек. Вот за эту! – мужской палец уверенно указал на одну из моих готовых работ, отвлекая меня от творчества.

– Цена этой картины – пятьдесят, – спокойно бросила я ему, чуть повернув голову. Пусть оставит свои суровые взгляды и высокомерные комментарии кому-то другому. Меня таким уже не пронять.



Я повернулась обратно к своей незаконченной картине.

Он качает головой с неодобрением, а на тонких губах играет презрительная усмешка.

– Тень наложена неровно, да и мазки выполнены слегка небрежно. Пятнадцать – и ни копейки больше, при условии, что вы подпишете картину мужским именем. У вас же есть мужской псевдоним?

Пальцы, испачканные охрой и ультрамарином, невольно крепче сжали кисть. И моя ярость – ярость на мир, который пытается меня сломать, на мужчин, которые пытаются загнать меня в рамки – залила серое небо столицы красным цветом.

Широкие размашистые мазки успокоили, позволили собрать волю в кулак, повернуться к этому господину и гордо произнести:

– Пятьдесят – и не копейкой меньше. И я подписываю картины только своим настоящим именем.

– Сварливая девчонка! Таланта ноль, а гордости на пятьдесят копеек. Будь Вы юношей, Вам бы хватило ума поблагодарить меня за то, что я решил поддержать молодого художника.

От такой дерзости у меня перехватило дыхание – горькое ощущение обиды сжало грудь, и я инстинктивно закрыла руками свои картины, словно защищая их от его насмешек. Волна гнева захлестнула меня, но я лишь сдержанно прорычала в ответ:

– Будь у Вас пятьдесят копеек, Вы бы могли позволить себе искусство.

– Больше пятнадцати никто за такое искусство все равно не заплатит.

«Старый скряга», – мысленно прошипела я, наблюдая за прощальным поклоном этого старикашки.

Крепко сжав зубы от злости, я резко повернулась обратно к своему холсту, но над полотном вдруг заметила ярко-зеленые глаза, которые пронзительно смотрели на меня.

Быть может, я бы не заметила его. Обычный безупречный в своей элегантности петербургский денди с небрежно повязанным на шее шелковым шарфом неуволимого оттенка, намекающего на тонкий вкус мужчины. Если бы мне захотелось его нарисовать, чудные переливы шарфа стали бы главным акцентом, ведь больше в нем ничто не цепляло. Но лишь на первый взгляд.

Он был старше меня, но не старик, нет. Просто зрелый притягательный мужчина с темными, почти черными кудрями, которые касались воротника сюртука и прикрывали часть лица.

И все же не заметить его было невозможно. Глубокие зеленые глаза притягивали к себе, заставляя забыть даже про шарф. Я привыкла к грубым взглядам прохожих, но никогда прежде я не сталкивалась с такой красотой. Казалось, эти зеленые глаза видели мир через призму мудрости. Их хозяин знал больше, чем пытался показать своим шелковым платком. В Петербурге хватает наряженных господ, но за их взглядами не прячется внутренняя красота, способная вскружить голову.

Я никогда не видела таких мужчин. Такие мужчины живут только на холстах в картинных галереях. И мне бы хотелось запечатлеть его, написать портрет, достойный быть частью семейной коллекции. Такой портрет, который отразит не только шарф на шее, но и всю прелесть дивных глаз. За последние годы этот незнакомец стал единственным ярким пятном в промозглом Петербурге.

– Не придавайте значения его словам. Он просто занижал цену, – мягко произнес мужчина. – Ваши картины прекрасны.

А я растерянно промолчала, не в силах подобрать ответ.

– Позвольте приобрести вот эту, – он указал на одну из моих самых дорогих сердцу работ. На маленьком полотне был тихий осенний пейзаж: золотистые листья медленно падали с ветвей старого дуба, а вдалеке мерцало спокойное озеро под мягким светом вечернего солнца.

Не знаю, что произошло со мной. То ли вежливость господина, то ли его чарующий взгляд – но я была готова с радостью отдать ему любую из своих работ. Даже за пятнадцать копеек. Даже за бесплатно. Лишь бы знать, что частичка моей души, запечатленная на холсте, теперь будет принадлежать ему. Лишь бы тешить себя мыслью о том, как он бережно несет мою картину до самого дома, крепко прижимая её к груди и согревая теплом своего тела. И всю дорогу она – моя частичка души – будет в его крепких руках.

От этой мысли меня пронзила сладостная дрожь. А сердце заколотилось в груди, словно птица в клетке.

– Я готов заплатить за неё три рубля, но лишь при условии, что вы подпишете её своим настоящим именем.

– Я... Эта картина стоит не больше двадцати копеек, – тихо ответила я.

– Но я оцениваю её в три рубля, – с уверенностью заявил он.

– Как будет вам угодно, – пролепетала я, чувствуя, как жар прилил к щекам, словно кистью художника их небрежно тронули румянами.

О, проклятая девичья робость!

Я опустила взгляд на холст, стараясь скрыть смущение.

Дуреха, возьми себя в руки! Тебе нужно выполнить его желание!

Дрожащей рукой взяла тонкую кисть, обмакнула в черную краску и вывела, стараясь писать изящно, несмотря на волнение: «О.Г. Воронова».

– Ольга Георгиевна Воронова, – произнесла я вслух, словно пробуя на вкус собственное имя. Оно прозвучало так просто, так обыденно, рядом с его величественной красотой.

– Это ваше настоящее имя? – спросил покупатель с искренним интересом.

– Настоящее... – с трудом выдавила я из себя, снова опуская взгляд.

– Тогда будем знакомы, Ольга Георгиевна Воронова. Я – Николай Семенович Мельников.

Он произнес свое имя с такой интонацией, словно ждал от меня бурной реакции. Будто он член императорской семьи, чья фамилия знакома каждому в Российской империи. Его взгляд испытующе прошелся по моему лицу, ища там узнавание. Но я впервые услышала эту фамилию. Мельников... она не вызвала у меня никаких ассоциаций.

Я протянула ему руку в знак знакомства. Мое сердце заметалось в панике в груди. Он немного помедлил, но все же пожал мою руку, несмотря на то, что мои пальцы все еще были перепачканы краской.

Пожал, не поцеловал. Пожал, как равному себе. Но даже это прикосновение обожгло меня. И я почувствовала, как тепло его ладони заставило мою кровь бежать быстрее по венам.

В этот момент я была готова забыть все правила приличия. Я хотела только одного – чтобы он не отпускал мою руку, чтобы это мгновение длилось вечно.

Но он отпустил её... И следом наградил меня чарующей улыбкой. Взял купленную картину, оставил три рубля и пошел дальше по дорожке сада.

А я осталась стоять одна, с ощущением тепла, которое медленно гасло на кончиках пальцев, и с именем, которое навсегда отпечаталось в моей памяти широкими мазками смущения и благодарности.

Николай Семенович Мельников.

## Глава 2. Семейный ужин

За десять лет семья Вороновых успела сменить небольшую усадьбу в центре города на съемный чердак в доходном доме, экипаж с тройкой лошадей – на крепкие сапоги, что не стоптать за один сезон, а надежду на блестящее будущее в свете – на жалкие попытки удержаться на краю нищеты. Но одно оставалось неизменным с момента смерти отца – традиция собираться всей семьей за ужином.

Вот и в тот мартовский вечер мать семейства Дарья Тимофеевна вышла к ужину, кутаясь в свою старую шаль. Чердак хоть и сильно продувался, все же был приятнее, чем подвал с крысами или угол в комнате, которые семья могла бы позволить себе за те же деньги.

Все три дочери Дарьи Тимофеевны были заняты делом: Анна доваривала репу у прямоугольной чугунной печи, Мария и Ольга накрывали на стол. Идиллия семейной жизни, если забыть, что когда-то они могли позволить себе кухарку и столовую. В этой маленькой квартирке есть приходилось там же, где готовили, а спать – так и вовсе всем вместе. Чтобы было теплее.

– Мамап, проходите к столу. Ужин почти готов, – ободряюще улыбнулась Анна матери, обрадовавшись, что сегодня та смогла сама встать с постели. И пусть ее глаза были такими же красными от слез, как и всегда, она нашла в себе силы дойти без помощи.

Когда все расселись Дарья Тимофеевна прочла «Отче наш» и благословила ужин. Анна, Мария и Ольга осенили себя крестным знамением и приступили к трапезе.

– Ну, девочки, рассказывайте. У кого какие новости за день? – делиться за ужином тем, что произошло, было еще одной доброй традицией семьи Вороновых, заведенных еще при их отце.

– Представляете, мне сегодня один грубый старик предложил пятнадцать копеек за картину. Пятнадцать! – глаза Ольги загорелись возмущением, но ни мать, ни сестры не разделили ее недовольства.

– И ты отказалась? – убитым голосом спросила Анна, уже предчувствуя ответ.

– Конечно. Пятнадцать копеек! Смех, да и только.

– Как? – вилка Марии упала на тарелку с громким звоном. – Как ты могла? Это же литр молока и свежий батон хлеба. Свежий! Меня уже мутит от этих черствых корок и редьки!

Анна ничего не сказала, но в ее глазах читалось не меньшее осуждение, чем в гневных словах Марии.

– Не кричи на меня! – всегда спокойная Ольга тоже взорвалась криком и резко отодвинула тарелку. – У меня сейчас мигрень начнется от твоего визга. Просто мои картины стоят гораздо больше. Вот!

Она вынула из кармана старых отцовских брюк целое состояние – три рубля. Луч мартовского солнца прорвался сквозь маленькое чердачное оконце и осветил круглые блестящие монетки, отразившись солнечными зайчиками в загоревшихся глазах молодых сестер Вороновых.

– Три рубля, – Мария, словно зачарованная потянула руку, чтобы дотронуться до несметного богатства, что неожиданно вошло в дом, где каждый нес на своих плечах тяжкий груз нищеты.

– Не трогай! – ударила ее по руке Ольга. – Это мое. Я заработала своим искусством.

– И что теперь? Даже с сестрами не поделишься? – Марию снова наполнило возмущение.

– Будь у меня деньги, я бы поделилась.

– Ты только и можешь, что думать о чужих деньгах, – бросила Ольга.

– А вот и нет!

– А вот и да!

– Девочки, прекратите! – одернул их оклик старшей сестры.

Не в первый раз Анне приходилось вмешиваться в ссоры Марии и Ольги, но с каждым годом это становилось все труднее. Девочкам нужна была мама, а не старшая сестра.

Но мама будто и не слышала разговора, она продолжала ковырять репу в тарелке, так и не отправив ни единого кусочка в рот. После смерти отца она почти ничего не ела, живя лишь воспоминаниями и печалью. И с каждым годом печаль и голод все сильнее оставляли печать на ее исхудавшем лице. Горе – это личный ад, и каждый переживает его по-своему.

– Ольга, что ты собираешься делать с деньгами? – Анну волновал более практичный вопрос. – Нам не мешало бы купить дрова, да и из еды осталась только репа.

– Краски, – художница мечтательно улыбнулась, уже представляя, как она купит огромную деревянную шкатулку, наполненную тюбиками краски, аккуратно завернутыми в изящную бумагу. И как она напишет еще одну картину, и как тот самый господин из Михайловского сада придет и восхитится ее творчеством. – Я видела замечательный набор у Дациаро. Двенадцать красок и новые кисти.

– Набор? Да еще и у Дациаро. Это ведь очень дорого, – покачала головой Анна. – Разве у тебя недостаточно красок? Все базовые цвета есть, а если что закончилось, можно и подешевле найти. Не в тюбиках, а твердые.

– Я не хочу твердые! Я хочу красивые цвета, которые будут украшать мои картины. Это мои деньги, и я потрачу их на краски. А на рубль, что останется, можно купить крупы и немного дров. Зима все равно заканчивается, скоро будет тепло.

Гнетущая тишина повисла за столом. Ольга буравила взглядом Анну, а Анна пыталась сохранять спокойствие, чтобы очередной ужин не закончился скандалом.

И вдруг тихий всхлип Марии разрушил это безмолвное противостояние:

– А меня ведь пригласили на званый ужин. А мне... Мне даже надеть нечего, – одинокая слеза скатилась по щеке Марии. В ее зеленых глазах застыла печаль.

– Я не отдам свои кровно заработанные тебе на наряды, – тут же запротестовала Ольга.

– Девочки, – устало одернула сестер Анна, а после повернулась к Марии. – И кто же тебя пригласил?

– Слышала я, Павел Александрович вернулся, – вставила Ольга с хитрой улыбкой.

– Слышала и мне не сказала! Как ты могла? – вместе с упреком в Ольгу полетела салфетка Марии. Но молоденькой художнице было хоть бы хны. Она только уклонилась со смехом.

Как же они юны и прекрасны! Такие невинные и такие далекие от суровой реальности. Им бы болтать о кавалерах и танцевать под звон бокалов, рисовать пейзажи и рассуждать об искусстве, а не думать о том, что семья будет есть завтра на ужин.

– Правильно сделала, что не сказала, – одернула младшую сестру Анну. – Где была семья Обленских, когда умер наш отец? Они не протянули нам руку помощи. Они даже не прислали слова сочувствия! А после и вовсе сторонились нас и матушку как чумы, словно никогда не пили с нами чаю за одним столом.

– Но...

– Никаких «но», Мария. Ты не пойдешь к ним, – твердо перебила Анна, поставив точку в разговоре.

– Девочки, не ссорьтесь, – слабый голосок матери возымел гораздо больший эффект. Все трое тут же успокоились и прекратили спор.

– Маман, Вы получали приглашение от Обленских? – решила уточнить Анна.

– Приглашение? – в обессиленном голосе появилось нескрываемое удивление. – Впервые...

– Павел пришлет его! – радостно перебила ее Мария. Ее изумрудные глаза засияли, как звезды.

– А, Павлуша вернулся, – Дарья Тимофеевна будто и не слышала разговора дочерей, как обычно утопая в своем горе. – Что ж, отрадно, отрадно, – но рада она вовсе не была. В ее

памяти еще слишком живы были и веселые приемы в доме добрых друзей ее мужа, и горечь от предательства, когда Георгия Александровича не стало.

– Даже если Павел пришлет приглашение, ты все равно не сможешь пойти, – осадила Анна сестру. – Не пойдешь же ты, Маша, в своем штопаном платье. А на новое денег у нас нет.

– Не будь так сурова, Анна, – мягко одернула старшую дочь Дарья Тимофеевна. – Если Машенька получит приглашение, то отчего бы и не пойти. Ей давно пора выйти в свет. Вам всем пора выйти в свет. Возможно, именно там вы найдете свое счастье, как я однажды нашла вашего отца.

Эта история, история любви известного полковника и простой актрисы, стала семейным преданием. Дарья Тимофеевна часто рассказывала ее дочерям на сон грядущий, чтобы воспитать в них самое главное – веру в настоящую любовь.

Но как бы она ни старалась, смерть Георгия Александровича внесла свои коррективы, и от домашнего очага, подогреваемого любовью, остались только головешки в переносной чугунной печи.

– Спасибо, матушка! – Мария тут же бросилась к матери целовать руки, ослепленная своей давней, так и не осуществившейся мечтой – выйти замуж за Павла Обленского, которого любила с пятилетнего возраста, с того самого момента, когда он подставил ей подножку на одном из приёмов в доме Вороновых.

– Звучит, конечно, замечательно, но где мы возьмем деньги на достойное платье для Марии? – внесла рациональное зерно Анна.

Дарья Тимофеевна тяжело вздохнула и перевела взгляд на свою старшую и всегда такую разумную дочь.

– Завтра же я напишу вашей бабушке. Попрошу ее прислать денег. Не откажет же она вам, своим внукам.

– Нет... Не надо! – даже Анна не выдержала и воскликнула. – Не надо просить ее после всего, что она сделала. Она пыталась забрать нас у Вас!

– Но вы предпочли остаться со мной, хоть бабушка и могла бы обеспечить вам лучшее содержание, – Дарья Тимофеевна была благодарна дочерям за их самоотверженность. И все же не могла не винить себя за то, в каких условиях им приходилось жить. – Пока у вашего дяди нет детей, а значит, вы единственные внуки Екатерины Петровны. И я уверена, что она с радостью поможет своим кровиночкам незначительной суммой на наряд для выхода в свет. А может даже согласится сопроводить тебя, Машенька, на прием.

– Но ведь прием уже через неделю, а бабушка может и не ответить так быстро, – Мария сомневалась в надежности предложенного мамой варианта. – Тем более что мне еще надо успеть сшить платье.

– Не переживай, дорогая, ты все успеешь, – мать погладила дочь по голове. – Будем надеяться, что бабушка быстро пришлет деньги. А пока...

Она медленно подняла правую руку, на которой красовалось последнее напоминание о прошлой богатой и счастливой жизни. Камни поиграли переливами в лучах вечернего солнца. И без долгих прощаний Дарья Тимофеевна сняла кольцо, подаренное ей Георгием Александровичем в честь свадьбы.

– Нет. Только не это. Не надо, – еле слышно простонала Анна, зажмурившись, чтобы не видеть боль на лице матери, которую та так отчаянно пыталась скрыть под теплой улыбкой.

– Думаю, ваш папенька был бы не против, – она старалась звучать бодро, но голос дрогнул сам собой. – В конце концов, это не навсегда. Мы выкупим его, как только бабушка пришлет деньги.

Но нет ничего более постоянного, чем временное. Однако из всех собравшихся в тот момент за столом только двое осознавали это в полном объеме – Дарья Тимофеевна и Анна.

## Глава 3. Анна

– Are you a governess?[1] – дверь открыла пожилая женщина в строгом темном платье, ее пронзительный взгляд из-под седых бровей вкупе с презрительной ухмылкой заставили меня сжаться.

([1] Прим. автора: англ. Вы гувернантка?)

Кажется, она спросила что-то по-английски, но именно этого языка не было в списке моих достоинств.

– Quoі, excusez-moi?[2] – от страха я неожиданно даже для себя перешла на язык Вольтера, чем вызвала немалое удивление у дамы.

([2] Прим. автора: фр. Что простите?)

«Быть может, она и есть новая гувернантка, ведь нынче англичанки вошли в моду. Не стоило мне все же приходить. Это ошибка, глупая ошибка, казавшаяся благоразумным решением, но на самом деле совершенная под влиянием порыва горячего сердца, а не под руководством холодного рассудка».

И все же я не могла иначе – не могла не воспользоваться единственной возможностью заработать деньги, которую предоставил мне Дмитрий Васильевич.

Всю ночь я крутилась в своей влажной, холодной постели, окутанная липким туманом тревожных мыслей. Я не сомкнула глаз до самого рассвета, вздрагивала от каждого звука, вслушиваясь в чуткую тишину нашей каморки, ожидая с замиранием сердца, когда *tataп* встанет, чтобы отправиться в ломбард. Она ведь тоже не сомкнула глаз. Я слышала ее прерывистое дыхание, хотя казалось, что я слышу ее мысли.

Мои милые глупые сестренки видели безмятежные сны о новом платье и ярких красках, пока мы с матерью страшились неумолимо наступающего утра, готового принести в наш дом очередную потерю.

Кольцо – подарок *rara*, ему не место в грязном ломбарде среди чужих жадных рук. Это кольцо должно лежать в нашей семейной шкатулке, передаваться из поколения в поколение, бережно хранимое любящими наследниками, как память о былом величии и любви. Это кольцо – наша память, наша надежда, оно часть нашей семьи, и я должна во что бы то ни стало вернуть его.

– Я не говорить French, – пожилая дама с трудом подбирала слова, продолжая оценивать меня взглядом. – Вы есть гувернесса?

Машинально кивнула, окончательно путаясь в происходящем, ведь если она спросила, значит, вряд ли место уже занято, тогда получается, что передо мной... экономка? Чем дальше, тем больше меня поражали причуды графа Дубовского: взять хотя бы его родовое гнездо – не дом, а целая крепость из темного камня, что надменно и равнодушно смотрела своими высокими окнами, а вокруг не витиеватая чугунная ограда, а настоящий каменный забор. Кажется, хозяин дома был не очень знаком с петербургской модой, или же нарочно игнорировал принятые веяния.

– Come in[3], – женский голос звучал резко и нетерпеливо, словно лай сторожевой собаки, и не столько по фразе, сколько по тону я догадалась, что меня приглашают войти.

([3] Прим. автора: англ. Входи)

Я переступила порог и замерла, оглядываясь по сторонам и кутаясь в поношенную шаль в ожидании очередного столкновения с жестокой реальностью. На удивление, такой холодный и серый снаружи, дом оказался теплым и уютным внутри: в воздухе витал густой аромат свежей выпечки и тонких духов, смешиваясь с запахом старого дерева; полумрак просторной прихожей освещался лишь тусклым светом, проникавшим сквозь узкие окна, но даже в этой полутьме можно было разглядеть величие богатого убранства.

– Господин ждате Вас, – цепкие женские пальцы пожилой англичанки ухватились за рукав моего платья и потащили меня в глубину дома.

Высокие сводчатые потолки тонули в мягком свете канделябров; по стенам, обитым темным дубом, играли отсветы пламени от огромного камина, где весело потрескивали поленья; на резных консолях стояли фарфоровые безделушки, а по стенам гобелены с охотничьими сценами выглядели почти живыми в этом тёплом свете.

В отличие от нашей каморки, к которой я со временем уже успела привыкнуть, здесь воздух был иным – не сырым и промозглым, а напоённым теплом очага и спокойствием.

Мы поднялись на верхний этаж и остановились у двери, обитой потемневшей от времени сафьяновой кожей. Внезапно чопорная дама повернулась ко мне и смерила меня холодным, как зима в Петербурге, взглядом.

– Вы мыться today[4]? – бесцеремонно спросила она.

([4] Прим. автора: англ. Сегодня)

Я опешила от такого вопроса, кровь прилила к щекам от стыда и унижения. Неужели она всерьёз полагала, что я не соблюдаю правила гигиены? Пусть купание в ванной и стало для нашей семьи непозволительной роскошью, мы все же поддерживали чистоту и аккуратность.

Заметив мое замешательство, женщина презрительно скривила губы и подтолкнула меня в спину:

– Come in.

Дверь распахнулась, и меня впустили в комнату. Мое тело содрогнулось. Я ожидала увидеть строгий кабинет, заваленный бумагами и книгами, но вместо этого оказалась в просторной спальне, утопающей в полумраке.

Тяжелые бархатные портьеры плотно задерживали окна, не пропуская ни единого лучика света; в центре комнаты возвышалась огромная кровать под балдахином, усыпанная множеством подушек и покрытая шелковым покрывалом красного цвета, к которому я никогда не испытывала теплых чувств.

Мрачная комната была наполнена тяжелым, дурманящим ароматом благовоний и... табака.

Рядом с кроватью в большом мягком кресле сидел молодой мужчина в дорогом бархатном халате, небрежно накинутом на плечи. В одной руке он держал длинный мундштук, из которого размеренно выпускал клубы дыма, а другой нервно постукивал по подлокотнику.

Черты его лица показались смутно знакомыми, хотя разглядеть в полумраке спальни никак не получалось. Он, несомненно, был красив, но его привлекательность состояла не в милом романтическом облике, а в жесткой, непримиримой властности движений.

Как только дверь поспешно захлопнулась за моей спиной, он скользнул взглядом по моему лицу и расплылся в широкой, хищной улыбке, от которой по спине пробежал холодок.

– Д-добрый день, Ваше Сиятельство, – сердце вдруг заколотилось где-то в горле, словно испуганная птица, рвущаяся на волю, и слова давались с трудом. Неожиданная обстановка вокруг совершенно вывела меня из равновесия, заставляя съежиться от паники и отчаяния. – Я от...

– На колени, – его слова ударили, будто хлыст, заставляя меня вздрогнуть.

– Прошу прощения, я Вас...

– Я сказал: на колени, – он не дал мне договорить, поднялся из кресла и в одно мгновение оказался рядом. Его приближение было сродни охоте хищного зверя, вот только добычей в данном случае была я. Тягучий, липкий страх сковал тело, не давая даже пошевелиться, хотя разум кричал, что надо бежать как можно дальше. Казалось, я застыла во времени под тяжелым изучающим взглядом его темных глаз, в котором читалось презрение, нетерпение и что-то совершенно мне незнакомое. Влечение?

– Опустит глаза и встанет на колени, – он повторил это не как просьбу или желание, а как категоричный приказ.

Несмотря на его настойчивость, я была словно парализована и не могла пошевелить даже пальцем, лишь заворожено уставившись в эти глубокие черные глаза, которые, казалось, стремились к одному – высосать мою душу.

– А ты хорошенькая. Забавный наряд, – его дыхание обожгло мое лицо клубом дыма. Рассудок заволокло туманом, и все стало напоминать дурной сон из тех, о которых не принято говорить даже на исповеди. Я стыдливо отвела взгляд, не в силах выдержать происходящее. – Вот только не очень послушная. Я заплачу вдвое больше, если ты будешь порасторопнее.

С этими словами он провел пальцами от моей щеки по шее до плеча и силой надавил на плечо, пытаясь вынудить подчиниться его воле. Но как бы ни были сильны таинственные и необъяснимые чары, опутавшие мою душу, я все же дернула плечом и отступила на шаг назад, чтобы вырваться из наваждения.

– Простите, но...

Не успела я закончить фразу, как крепкая мужская рука вцепилась в мою шею, словно стальной капкан, полностью лишая кислорода, и в следующее мгновение его губы грубо впились в мои, словно желая лишь одного — испытать меня до дна.

Табак, терпкий вкус чая с лимоном и изысканная горчинка бергамота смешались на языке, оставив странное, противоречивое послевкусие. Его язык нагло, бесцеремонно стал изучать мой рот, вторгаясь в самые сокровенные уголки.

Этот господин украл у меня мой первый поцелуй, который я мечтала разделить с тем, кто полюбит меня за мою душу, а не за красивое личико и «забавный наряд». А мое тело вместо того чтобы сопротивляться, предательски затрепетало в сильных мужских руках.

Но когда его рука, исполненная наглости, скользнула вниз по моей шее на грудь, и грубо стиснула её, оценивая форму и упругость, я, собрав остатки здравого смысла и чувства собственного достоинства, резко оттолкнула его от себя. Ярость и обида обрушились на меня, словно ушат холодной воды, прогнав оцепенение.

– Что вы себе позволяете! – выкрикнула я, задыхаясь от возмущения и страха, но он лишь глухо рыкнул и силой притянул меня за талию обратно к себе. – Опустите!

– М-м-м, хочешь поиграть со мной? Давай поиграем, – ответил он с придыханием на мое возмущение и еще крепче сжал в своих объятиях.

Тогда я не выдержала и пошла на крайние меры самозащиты: рука сама взметнулась вверх и ударила графа по щеке. Пощечина вышла такой сильной, что кожа на моей ладони запыхала от боли, хотя внутри все полыхало гораздо сильнее – от смущения и унижения.

– Вы всех гувернанток сестры так опрашиваете?

– Сестры? – лицо мужчины исказилось от изумления.

И тут дверь за моей спиной распахнулась, и в комнату вбежала, заламывая руки, уже знакомая мне пожилая дама. Она подскочила ко мне, быстро дернула меня за руку и оттеснила к двери.

– I'm so sorry! So sorry! It's just a mistake...[5] – она принялась что-то объяснять по-английски растерянному графу, который непонимающе хлопал густыми длинными ресницами и переводил бесстыжие шоколадные глаза с экономки на меня.

([5] Прим. автора: англ. Мне так жаль! Простите! Произошла ошибка...)

Вдруг к этой комедии ошибок присоединилось еще одно действующее лицо – мужчина чуть постарше с холодным взглядом неприступных серых глаз, который спас меня вчера от огня, а после посмеялся над моим литературным вкусом.

Но он пока не успел заметить моего присутствия – все его внимание было поглощено братом.



– Михаил... Я ведь просил тебя оставить свои... привычки в Лондоне. А если бы твое развлечение по ошибке попало в комнату Бетси? Прекрати превращать родительский дом в бордель!

Пусть ругали и не меня, но суровый тон графа Дубовского старшего заставлял трепетать, тем более что я вовсе не хотела быть невольным свидетелем ссоры двух братьев. Больше всего на свете я бы хотела в эту минуту оказаться подальше отсюда и никогда не возвращаться, но в кармане звенели монеты от матери, упрямо напоминая, что кольцо все еще находится в плену ломбарда.

– А Вы почему сразу не сказали? – граф Дубовский обернулся ко мне и мгновенно меня узнал. – Вы?

На мгновение его суровое выражение сменилось растерянностью, и я даже заметила, как в его холодных глазах мелькнул блеск, когда я пролепетала в ответ:

– Я...

Но граф в ту же секунду взял себя в руки.

– Подождите в моём кабинете, – снова прозвучали в его голосе стальные нотки. – Миссис Эванс, show her where to go, please[6].

([6] Прим. автора: англ. Покажите ей, куда идти, пожалуйста)

Миссис Эванс кивнула и быстро увела меня из комнаты. Мы снова пошли по коридорам особняка, но на этот раз меня оставили в строгом кабинете с высокими книжными полками и портретом старого графа Дубовского (кажется, он не так давно скончался, царствие ему небесное). Именно в таком месте я и ожидала оказаться с самого начала, и должна была оказаться, если бы не странное недоразумение, из-за которого я все еще пребывала в состоянии шока.

Я присела на мягкий стул, пытаюсь привести в порядок наряд, причёску и мысли. Ведь я же сказала, что я гувернантка, подумать страшно, за кого меня приняли эти люди.

Когда граф Дубовский вошел в кабинет, я уже несколько успокоилась и отошла от пережитого ужаса.

– Простите за это недоразумение, – буднично произнес он, будто в случившемся не было ничего необычного, будто извинялся он скорее из вежливости, чем по зову сердца. – В Англии слово «гувернантка» имеет много значений.

Мне показалось или он тихо усмехнулся?

И если ему было смешно, то мне хотелось высказать все, что я думаю о таких ошибках, но я предпочла оставить свое мнение при себе – все-таки он, возможно, мой будущий работодатель, не в моих интересах портить отношения с первого дня.

Мое молчание позволило ему оставить неудобную тему и перейти к деловому разговору:

– Дмитрий Васильевич весьма лестно отзывался о Вас. Владеете французским, греческим и латынью, воспитали двух младших сестер, а значит, вполне понимаете специфику общения с девочками. Я был бы рад нанять Вас, но с одним условием.

– С каким? – я напряглась всем телом, ожидая услышать что угодно, ведь граф Дубовский мог вывернуть ситуацию в каком угодно направлении.

– Вы будете согласовывать со мной всю литературу, с которой захотите ознакомить мою сестру в рамках учебного процесса. И если я прикажу не давать ей определенных книг, Вы не будете этого делать.

От сердца отлегло, когда я услышала его условие. Пусть наши книжные вкусы и различались, но он был в полном праве контролировать учебный процесс своей сестры и требовать от меня содействия в этом вопросе.

– Разумеется, – тихо согласилась я.

– В таком случае я бы хотел, чтобы Вы занимались с Бетси правописанием, французским, чтением, в том числе на греческом и латыни, историей, географией, арифметикой, а также прививали ей правила хорошего тона и учили игре на фортепиано. Вы играете?

– Да, только давно не тренировалась, – пианино не влезло бы на чердак, но раньше мне приходилось развлекать музыкой покойную графиню Марию Михайловну.

– Надеюсь, Вы быстро вспомните, – кивнул мне граф. – Ваше жалование составит пятьдесят рублей.

– В год? – ужаснулась я. Такими темпами мне нескоро удастся выкупить кольцо.

– Я что, по-вашему, настолько беден? Или настолько скуп? – оскорбился граф Дубовский. – В месяц, разумеется. Предложил бы больше, но сами понимаете, подтверждения образования у Вас нет, только честное слово Дмитрия Васильевича.

– Да-да, конечно, – быстро согласилась я, пока он не передумал, ведь о таком месячном жаловании я и мечтать не могла.

– Выплаты каждую неделю. Выходной в четверг, все остальное время Вы должны находиться с Бетси. Я хотел бы, чтобы Вы стали для нее больше, чем просто учительницей. Ей многое довелось пережить, и теперь, когда я рядом, я собираюсь обеспечить ее безоблачное будущее, а Вы мне в этом поможете. Вам все ясно?

В графе Дубовском так причудливо смешивалась суровость к окружающему миру, забота о брате и сестре и внутренняя доброта, что поражало меня до глубины души. Разумеется, я кивнула, одновременно не желая вступать в полемику и мучить его своими вопросами и поражаясь такому трепетному отношению к Бетси, которую я хоть пока и не знала, но уже искренне сочувствовала тому, что могло скрываться за уклончивыми словами «многое довелось пережить», ведь про меня и моих сестер можно было сказать то же самое.

– Тогда с завтрашнего дня можете приступать к занятиям. А сегодня миссис Эванс покажет Вам комнату и поможет с вещами. Ужин в восемь, не опаздывайте.

– Простите, Ваше Сиятельство, могу я сегодня поужинать со своей семьей? – под его требовательным взглядом я совсем оробела, но все же мне хотелось провести время с мамой и сестрами, а заодно сообщить о своем решении пойти в гувернантки.

– Хорошо, – граф точно был недоволен, но почему-то не стал отказывать на мою просьбу. – Но завтра занятия с девяти без опозданий.

– Разумеется, – опустила глаза в пол не в силах выдержать грозный взгляд его серых туч.

– В таком случае Вы свободны, – он намекнул, что наша аудиенция окончена, и я поспешила покинуть кабинет хозяина дома, вот только он не спешил покидать мои мысли.

А ведь какие они с братом разные! При схожести черт лица глаза выдавали различие душ: колючая зима, заботливо укутывающая природу снегом, и тающий во рту шоколад, отзывающийся горчинкой на языке. Интересно, какой же будет моя подопечная?

## Глава 3. Мария

Впервые за долгое время я бежала, нет, летела по петербургским улицам со счастливой улыбкой на губах. Ах, что за чудный день!

Солнце грело ласковыми лучами. Изнурительная зима с колючими ветрами уступила место долгожданной весне. И в мою жизнь весна пришла новыми надеждами. Оживлением. Давно забытым восторгом покупок.

В маленьком кошельке скромно звенели пятьдесят рублей. Моя часть денег, вырученных за заложенное кольцо матери. Перекупщик – жмот! Мог бы и побольше дать за матушкино золотое кольцо с россыпью камней. Но даже это было настоящим сокровищем. Моим шансом на новую сказочную жизнь.

Этот день был совершенно особенным. День моего триумфального возвращения в салон той самой мадам Колетт.

Ноги предательски задрожали. По спине пробежали мурашки. Я переступила порог. Тихо прозвенел дверной колокольчик, сообщая всем о моем приходе. В нос ударил давно забытый аромат из моих снов. Лаванда, роза и жасмин. И запах дорогих тканей. Шелк благоухал своей природной чистотой. Бархат источал теплый, пудровый аромат. Парча отдавала легким запахом благородства. А еще запах свежего воска, которым обрабатывали нити для шитья, и легкий аромат сандалового дерева, используемого для изготовления изящных вееров.

Так пахло богатство. Так пахла беззаботная роскошь. Так пахла счастливая жизнь.

Как же я скучала по этому сплетению ароматов! И по изысканным тканям. И по тончайшему кружеву. И по элегантным силуэтам. Но по запаху больше всего.

Дивный аромат будто вернул меня на десять лет назад. В памяти замерцали драгоценными камнями воспоминания из детства. Маленькой девочкой я часто приходила сюда вместе с *papa*. Мужчины были редкими гостями в этом царстве женственности, но папенька любил лично выбирать наряды для своих любимых принцесс. Он лучше любой модистки разбирался в тканях и безошибочно определял, какое кружево красивее, какая ткань качественнее, какой оттенок и фасон будет лучше для каждой из нас. Ах, *papa*...

– Что Вам угодно? – вырвал меня из сладких воспоминаний резкий голос презрительными нотками за спиной.

Я быстро смахнула слезы, столь некстати появившиеся в уголках глаз от нахлынувших воспоминаний, и повернулась к говорившему:

– Я... Мне нужно платье, – как бы я ни старалась звучать уверенно, голос все равно предательски дрогнул. – Я бы хотела вот ту рубиновую тафту с витрины. И побольше кружева.

– Вы бы хотели рубиновую тафту и кружево, – с сарказмом повторила за мной модистка. Она надменно прошлась оценивающим взглядом по моему жалкому поношенному платью и сдвинула на переносицу аккуратные круглые очки, словно пыталась рассмотреть под лупой насекомое.

А я ведь ее знала. Правда тогда она была моложе, красивее и вежливее. Помощница самой мадам Колетт, она всегда порхала вокруг отца как бабочка, кокетливо улыбаясь, звонко смеясь и слащаво приговаривая, что никогда прежде не встречала такого заботливого отца. Какой Вы чуткий мужчина! Какой прелестный выбор! У Вас отменный вкус! Кажется, ее звали Александра, хотя она просила *papa* называть ее «просто Алекс».

Теперь же... Теперь она меня не узнавала. Или просто не хотела узнавать. Теперь в ее глазах читалось презрение и отвращение. Отвращение к жалкой нищенке, посмевавшейся осквернить своим приходом этот храм моды.

– Вы хоть в курсе, сколько стоит такое платье? Это натуральная шелковая тафта. А кружево у нас только шантильи. Ручная работа. Каждое сплетение – произведение искусства, –

ее слова звучали жесткими пощечинами. Такие простые, такие изысканные, но такие жестокие, они били в самое сердце, заставляя меня страдать от унижения. От чувства собственной ничтожности, гораздо более острого, чем то, что я испытывала, робко разглядывая через стекло витрины недосыгаемые туалеты.

– У меня есть деньги, – показала я свой небольшой кошелек.

Она лишь рассмеялась в ответ. Так громко и так злорадно, что я зажмурилась, не в силах вынести этого позора. Весь салон с интересом поглядывал в нашу сторону. Богатые дамы в меховых мантиях с юными дочерьми, модистки, что их обслуживали, – всем было любопытно, что же случилось. А я хотела провалиться сквозь землю. Лишь бы не слышать эти змеиные перешептывания. Лишь бы не видеть этих брезгливых взглядов.

– Алекс, что нужно этой босячке? – спросила одна из модисток громким шепотом. Как будто никто не услышал. Но все услышали. Я услышала.

Босячка.

Простое слово, а оставило на кончике моего языка послевкусие свежей грязи.

– Может, без кружева? Может, из муслина? – робко пролепетала я, с трудом сглатывая ком слез. Так ведь нечестно! Я не хочу отказываться от мечты. Только не теперь!

Модистки переглянулись и наградили меня еще одним снисходительным взглядом.

– Я дам Вам совет. Найдите себе другой салон, – Александра демонстративно указала мне на дверь. И каждый слышал ее слова. Каждый был свидетелем моего унижения.

Я стиснула зубы до боли. До отвращающей боли, чтобы удержать поток слез, что рвался наружу. Достаточно унижения! Я не доставлю им радости видеть, как я плачу!

– Хорошо, – кивнула я, собрав всю волю и остатки достоинства, и направилась к выходу.

Насмешливо прозвенел колокольчик. Будто прощался со мной как старый друг. Что ему до моих проблем? Знай звени себе день напролет.

И пока дверь закрывалась за мной, я услышала, как ледяную тишину салона прорезал возмущенный женский голос:

– Ваше поведение просто возмутительно! Вы со всеми клиентами так разговариваете?

Что же ответила модистка, мне узнать не довелось. Дверь захлопнулась, отрезая меня от мира моды, богатства и роскоши и оставляя снова без надежд на будущее.

Я бесцельно побрела по улице. Жестокое солнце словно нарочно светило яркими лучами, еще больше оттеняя безрадостность моего существования.

Какая же я глупая! Как я могла надеяться, как я могла поверить, что смогу снова ощутить вкус прежней жизни? Вот она, жестокая расплата за пустые иллюзии...

Обрести деньги – лишь полбеды. Богатство – милость судьбы, дарующей удачу избранным и отбирающей ее у простых мечтателей. Упавшему в грязь никто не подаст руки, опасаясь испачкаться. Мне никогда не выкарабкаться из этой трясины бедности, никогда не победить в этом сражении с неизбежностью. Я обречена...

Неожиданно красивая коляска перегородила мне дорогу.

– Какое счастье, что Вы не успели далеко уйти, – голос показался мне смутно знакомым, вот только едва ли мы встречались раньше с этой великолепной дамой. Заметив мой недоуменный взгляд, она поспешила объясниться, – Я стала невольным свидетелем сцены в салоне мадам Колетт. Признаться честно, меня крайне возмутило такое отвратительное отношение. Я высказала той модистке все, что я думаю о ее грубом поведении.

Ах, так вот почему я узнала ее голос!

– Спасибо, – тихо прошептала я, улыбаясь сквозь слезы.

– Не стоит, – отмахнулась она. – Не желаете прокатиться? Могу показать Вам ателье, где не закручивают цены до небес, сбывая товар втридорога. Конечно, на платье не будет вышивки золотой нитью с именем этой француженки, но даже опытный глаз не отличит кружево от их шантিলы.

Надежда на лучшее снова поманила меня добрым взглядом и ласковым словом. Но я еще не отошла от испытанного разочарования.

– Это все, что у меня есть, – показала я свой тощий кошель. – Не думаю, что этого хватит.

– Ах, уверяю Вас, мы непременно найдем выход, – в ее глазах было столько участия и доброты, что мне хотелось верить ей. Она похлопала по месту рядом с собой, – Прошу Вас, садитесь.

– Но...

– Я настаиваю.

И я забралась в коляску, чтобы поехать вместе с ней. Незнакомцам нельзя доверять — это я запомнила еще с детства. Но я не могла потерять надежду. Я боялась ее потерять. Неужели в этом холодном каменном городе среди расчетливых умов и черствых сердец не осталось места для бескорыстной доброты? Я не хотела в это верить.

– Так как Вас зовут, *ma chère*[1]?

([1] Прим. автора: фр. моя дорогая)

– Маша... Мария Георгиевна Воронова.

– Мари, очень приятно, – ее теплая рука мягко сомкнулась вокруг моей холодной ладони.

– Я мадам Готье. Маргарита Готье.

– Вы француженка? – я очень удивилась, ведь акцент мадам не был похож ни на южный, ни на северный.

– В некотором роде, – улыбнулась она в ответ. – Так Вы хотели платье из красной тафты, верно?

Я кивнула, очарованная добротой своей новой знакомой.

– Рубиновой, если быть точнее.

– Превосходный вкус! – воскликнула она с неподдельным восхищением. – Рубиновый будет Вам к лицу. Ваша бледность и легкий румянец отлично заиграют в таком платье.

– Он тоже так сказал.

– Он? – тут же живо заинтересовалась она.

– Простите, я не должна... – вот ведь глупая! Вечно что на уме, то и на языке. Какое дело этой милой женщине до моей любовной драмы.

– Ну что Вы, не стоит так смущаться. А знаете, мы ведь с Вами можем заказать платье и подороже. Дополнительные расходы я возьму на себя.

– Я... Я право не знаю... Это ведь неуместно, – ее щедрость заставила меня растеряться.

– При одном условии. Ну, чтобы Вы не чувствовали себя обязанной.

– Каком же? – я напряглась, уже жалея, что поверила этой даме и согласилась сесть в коляску.

Она звонко рассмеялась, увидев на моем лице тень переживания.

– Ничего такого, будьте покойны. Мне просто интересно услышать Вашу историю. Вашу и Его. Я ведь понимаю. Если в жизнь девушки вмешивается Он, то платье должно быть самым лучшим. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

Как точно мадам Готье уловила мои чувства! Она действительно знала. Она поняла меня с полуслова. Не как сестры, что вечно заняты беспокойством о чести и искусстве, нет. Я почувствовала в этой мадам свою родственную душу.

– Его зовут... Павел, – неуверенно начала я.

– Прекрасно имя, – восхитилась мадам Готье.

– Я тоже так думаю...

И пока коляска везла меня навстречу мечте, я открыла ей маленькую тайну своего сердца.

## Глава 3. Ольга

Яркие солнечные лучи наглыми бликами пробивались через облака. Я пыталась зажмуриться или отвернуться, но редкое петербургское солнце неумолимо требовало моего внимания. И я была бы рада уделить ему все свое время, вот только сколько бы я ни билась над этим домом, пытаясь перенести на холст этот неуловимый свет, все попытки поймать его были тщетны.

Даже новые краски из заветного набора, купленного буквально утром, не помогали. Картина напоминала унылую мазню без жизни и искры. Блеклые краски, грубые мазки, неправильно положен свет...

А я ведь так хотела запечатлеть весеннее пробуждение природы! Может, я вовсе не так гениальна? Может, вчерашний старичок был прав? Вдруг я действительно бездарность без чувства цвета и техники?

Отчаяние нарастало комом в груди. Казалось, муза покинула меня навсегда, забрав с собой надежду сотворить искусство. Я ведь думала, что лучше всех тех художников, кто жалует на муки творческих поисков, прикрывая ими свою собственную лень. Но нет, мы, творческие люди, зависимы от погоды, движения звезд и мимолетных эмоций, что в сумме создают непостижимое понятие музыки.

От досады я окунула кисть в черный и резко перечеркнула ненавистное солнечное небо.

– Смело, однако! Хоть и весьма неожиданно, – знакомый голос заставил вздрогнуть, и я, все еще не веря своему счастью, повернула голову. Вчерашний господин с интересом смотрел на мою неудавшуюся картину.

– Николай... – я так удивилась, что на мгновение совсем забыла обо всем, даже о нормах приличия. От неожиданности я оступилась, задела мольберт, и картина, если так можно назвать получившееся недоразумение, полетела прямо в слякоть на мостовую.

Он успел ее поймать. Подхватил у самой земли и с трепетом, коего она явно не была достойна, вернул на место.

– Было бы жаль потерять такой шедевр по неосторожности, – заметил он с легкой улыбкой.

– Боюсь, даже грязь петербургских улиц не сможет спасти эту картину, – я хотела пошутить, но горечь разочарования слишком ярко проступала в моих словах. Мне не хотелось бы, чтобы этот господин видел мой провал. Кто угодно, только не он.

– Не будьте к себе так строги, Ольга... Георгиевна, – легкая пауза между моим именем и отчеством будто была намеком на отношения более близкие, чем между теми, кто обращается друг к другу по имени-отчеству.

– Николай... Семенович, – я тоже непроизвольно позволила себе эту маленькую шалость и повторила его интонацию, – Вы слишком добры. Эта картина едва ли заслуживает Вашей доброты.

– Картина, может быть, и нет, а вот художник, нарисовавший ее, несомненно, заслуживает, – его слова заставили меня в очередной раз смутиться. – Вижу, Вы с умом потратили вчерашний заработок, – кивнул он на набор красок.

– Я... давно о нем мечтала. Спасибо Вам!

– Не стоит благодарности. Это я должен благодарить Вас за возможность приобрести отражение Вашего таланта, – его похвала была лучом света в этом темном дне. Она оживила в душе надежду, что я не так бездарна, как мое сегодняшнее творение. – Вы обошлись весьма жестоко с этой картиной, – он кивнул на спасенный недошедевр. – Хотя, признаться честно, петербургское небо с черным крестом смотрится экстравагантно.

– Будь у меня деньги, я бы заплатила Вам, лишь бы Вы забрали это уродство подальше, – один вид неудачных мазков вызывал у меня отвращение.

– А я бы забрал. С большим удовольствием забрал бы. Но при одном условии.

– Каком же? – я нахмурилась. Не так уж близко мы знакомы с Николаем Семеновичем, чтобы он ставил мне условия.

– Погода нынче отменная, не находите? – спросил он, будто намекая. Но я лишь сильнее нахмурилась, не понимая, что за игру он затеял. – В такой день грех перед небом и совестью стоять за мольбертом.

– И что же Вы хотите этим сказать? – я постаралась расслабить мышцы лица, чтобы не выглядеть такой уж грозной. Намек был вполне очевиден, вот только мы не в тех отношениях, чтобы общаться намеками. Да и не люблю я эту светскую забаву. Лучше уж прямо во всем объясниться, чтобы потом не было недопонимания.

– Позвольте мне пригласить Вас на прогулку. Согласитесь, это небольшая плата за то, что я избавлю Вас от, как Вы выразились, «уродства», – он тепло улыбнулся и небрежным жестом откинул со лба пару непослушных локонов, которые так красиво обрамили его лицо, придавая ему вид романтического поэта. Судя по озорным искоркам в глазах, он прекрасно знал, какой эффект производит, и добивался именно его.

Хоть его предложение и показалось мне довольно заманчивым, я, не колеблясь ни секунды, недовольно скрестила руки на груди.

– Не позволю, – отрезала я, отвернувшись к мольберту. Я не какая-нибудь там ветреная барышня, чтобы отвлекаться от творчества.

Но ведь прогулка... Мысль о том, чтобы пройтись по тенистым аллеям, выйти на прямые петербургские улицы и идти без спешки и цели, наслаждаясь чудным мгновением, будь то тишина парка и пение птиц или живость улицы, привела меня в восторг.

В памяти пасторалью пронеслось воспоминание из детства. Я слышала смех матери, когда отец закружил ее в быстром танце прямо на одной из извилистых дорожек, не стесняясь взглядов прохожих и чужих пересудов. Тогда мы просто были счастливы.

Но то была другая жизнь. До смерти *papa* мы не знали, как жесток бывает мир к девушкам без денег и связей. Теперь же мне не следовало забывать об этом, как и тратить время на прогулки вместо творчества. Чем больше я творю, тем больше шанс, что стану знаменита и богата.

– Ольга Георгиевна, я не хотел Вас оскорбить. Просто порой художнику полезно пройтись и просвежиться, чтобы найти вдохновение, – теперь Николай Семенович попал в самую точку. Будто прочел мои мысли.

– Вы... Вы правда так считаете? – вдруг в его словах есть доля истины? Ведь быть художником означает не только писать картины, но и смотреть на мир широко открытыми глазами, подмечая те детали, что укрываются от глаз обычных людей.

– Можете поверить тому, кто достаточно часто общается с людьми искусства, – он подставил локоть в пригласительном жесте. А я собрала свои краски и кисти и позволила ему взять меня под руку. Я даже почувствовала себя на мгновение настоящей барышней, хотя руки все еще были испачканы краской, как и старые отцовские брюки, а вместо изящной шляпки на голове красовался платок, чтобы волосы не мешали рисовать.

Но, кажется, его не волновали такие условности. Впрочем, меня они волновали еще меньше, и этот приятный миг осознания нашей общности отпечатался в моем сердце алой вспышкой.

Мы шли по дорожкам Михайловского сада, и его изумрудные глаза то и дело поглядывали на меня с интересом. Но он ничего не говорил. И я молчала. Тишина не тяготит творца, в тишине можно почувствовать больше.

И я чувствовала. Влажный запах земли витал в воздухе, уставшие от долгой зимы деревья тихо поскрипывали, жалуясь на морозы и затянувшийся приход весны. Впервые за долгое время я слышала голос природы, пусть и такой тихий среди городской суеты.

Каждый шаг отзывался в сердце легким трепетом. Мы не должны были идти так близко, а Николай Семенович не должен был так откровенно любоваться моим лицом. Но что для искусства понятия должного? Есть законы, а есть веление сердца, и только слушая сердце, можно жить по-настоящему, как жила я в тот момент.

– Чувствуете? – вдруг спросил он. – Красота тишины. Или тишина красоты? Вдохновение вокруг нас.

До чего же он прав!

– Чувствую, – согласилась я, и мы снова замолчали, погружаясь все глубже в тишину момента. Но один вопрос все же вертелся у меня на языке, и я решила узнать побольше о своем новом друге. – Так Вы часто общаетесь с художниками?

– Не только, – Николай Семенович улыбнулся, заметив мой интерес. – С музыкантами, писателями, поэтами, скульпторами, архитекторами. Но с художниками чаще всего.

Как любопытно и запутанно. Никак не могу понять, кто же такой этот господин Мельников.

А он будто прочитал вопрос в моих недоверчивых глазах, и с легкой усмешкой пояснил:

– Я меценат, Ольга Георгиевна. Стараюсь поддерживать таланты. Морально и материально.

– О... – только и смогла вымолвить я.

Меценат? Он ведь, наверное, очень богат, раз может позволить себе так тратить деньги. Искусство бывает дорогим, но доходы приносит нечасто, тут нужно скорее быть его любителем и гореть любовью к нему.

– Вижу, я смутил Вас.

– Нет-нет, что Вы, – я тут же мысленно отругала себя за эти глупые мысли о его богатстве и так некстати появившуюся девичью робость, которую трудно было не заметить.

Он остановился, повернулся ко мне и достал из кармана изящный серебряный портсигар.

– Курите? – возможно, он просто хотел сменить тему и разбавить атмосферу, но протянутая сигара стала для меня неожиданностью.

– Разве это не запрещено? – сама я лично не интересовалась, но знакомые художники сетовали, что император не одобряет этого удовольствия, а потому в общественных местах лучше не курить.

– Поверьте, от этого курение становится только приятнее, – усмехнулся Николай Семенович.

И я быстрым движением забрала сигару, стараясь казаться естественной. Наши руки едва соприкоснулись, но это мимолетное прикосновение обожгло, будто он уже зажег огонь.

Он чиркнул спичкой, и пламя осветило его скулы. Мужчина наклонился ко мне, прикрывая огонь ладонью от несуществующего ветра. А я, стараясь не выдать своего неумения, поднесла сигару к огню.

Я никогда не курила прежде. Первая затяжка обожгла горьким и едким дымом. К глазам поступили слезы, и кашель подступил к горлу, словно легкие требовали дать им немного воздуха. Но я сдержалась. Не закашляла. Сделала вдох и выпустила дым изо рта томной медленной струйкой. Должно быть, так делают опытные курильщики.

Николай Семенович смотрел на меня с легкой, почти невидимой улыбкой в уголках губ. Я могла бы сколь угодно долго притворяться, что умею курить – он все равно видел насквозь мои жалкие попытки изобразить опытность.

– Вам идет курить, Ольга Георгиевна, – медленно протянул он слова, зажигая свою сигару. – Курящая женщина поистине притягательна, ведь ничто так не привлекает внимание как выход за рамки. Как женственность, очерченная резкими повадками мужественности.

– Это Вы у знакомых писателей научились словесным кружевам? – поддела я его, не желая казаться совсем уж глупой. Хотя его слова, смелые и неожиданные, будто вызов обще-



ству, пришлось мне по душе. Они западали прямо в сердце, и пусть я пыталась отшутиться, где-то на краю подсознания я понимала: его уверенность влечет меня, и я теряю контроль слишком быстро и слишком неотвратно.

– Скорее у поэтов. Знавал парочку в Париже. Скучнейшие ребята, но в табаке разбираются хорошо. В России, к сожалению, нормальных сигар не найти, – покачал он головой от досады. – Я даже думал, не заняться ли мне этим делом, но понял, что искусство люблю больше.

Мы постояли еще немного, наслаждаясь красотой тишины или тишиной красоты и дымом сигар.

– Знаете, Ольга Георгиевна, – он снова первым решил прервать молчание, – я бы хотел сделать Вам предложение.

– Только не руки и сердца, – стоило представить такое, и мое лицо исказилось гримасой ужаса. А Николай Семенович только рассмеялся.

– Что Вы? Как можно? Я ведь понимаю, что Ваши руки и сердце принадлежат живописи, – его легкий сарказм и добрые насмешки радовали меня гораздо больше, чем жеманная вежливость, какую обычно старались проявить мужчины ко мне как к женщине.

– Тогда что же Вы хотите мне предложить?

– Я бы хотел заказать Вам портрет.

– Портрет? – едва ли я могла назвать себя портретистом. Конечно, фигуры людей я рисовать умела, но люди никогда не привлекали меня так, как природа, пусть на портретах и можно было заработать больше, чем на пейзажах.

– Именно так, – кивнул он в подтверждение своих слов.

А ведь я думала об этом еще вчера в нашу первую встречу, мечтала написать его зеленые глаза и яркий шейный платок. Мечтам свойственно сбываться?

– Но у меня ведь нет ни образования, ни студии. Да и пишу я пейзажи. К тому же весьма посредственные.

– Чтобы написать портрет, необязательно иметь диплом. Насчет студии тоже можете не переживать, у меня дома есть художественная мастерская. Что же до Ваших навыков, у Вас есть чувство цвета. Мне не нужен академический портрет. Я хочу живой портрет. Без идеального носа, зато с идеально переданным характером. Вы понимаете, о чем я?

Я понимала. Я любила писать природу именно потому, что она не будет жаловаться на нос картошкой, большие уши или недостаточно голубые глаза. Природа – это свобода, это настроение, тонкое, едва уловимое и изменчивое в каждом мгновении. И да, я любила экспериментировать с цветами.

– Допустим, я соглашусь. Что же Вы тогда предлагаете? Мне ведь придется оставить свое рабочее место, – называть закуток на краю дорожки в саду «рабочим местом» было, конечно, преувеличением. Но я любила творить в Михайловском саду.

– Я возьму на себя издержки Вашего вынужденного... простоя. И сполна компенсирую художественные потери, как эта, – он кивнул на мой неудачный этюд, который все еще держал у себя. – И за портрет Вы получите достойное вознаграждение.

Что ж, раз уж он так настаивает... Я сделала вид, что тщательно обдумываю его предложение.

– И все материалы, что Вам потребуется, я предоставлю, а если краски останутся, то Вы сможете забрать их себе, – он решил добавить еще один аргумент.

– В таком случае я готова согласиться, – меня убедили не столько деньги, сколько краски. Николай Семенович точно знал, чем следует заманивать художника. – За тридцать рублей, не меньше.

В его глазах промелькнула искра удивления, но он тут же скрыл ее за маской непроницаемой серьезности.

– Нет, Ольга Георгиевна. Меньше, чем на пятьдесят, я не согласен! – уверенно заявил он. – А если мне понравится картина, готов заплатить Вам и больше.

Интересно, все меценаты такие щедрые или мне просто повезло? Целых пятьдесят рублей за картину никому неизвестной художницы! Он верно сошел с ума, но в моем ли положении разбрасываться возможностями.

– Пятьдесят, так пятьдесят, – пожала я плечами, пытаясь скрыть довольную улыбку, расплывшуюся на моих губах. – Но если Вам не понравится картина, Вы честно мне об этом скажете.

– На сей счет не переживайте. В вопросах живописи я строг, но справедлив, – он потушил сигару и протянул мне руку. – Так мы договорились?

– Договорились, – его рукопожатие оказалось настолько крепким, что я едва сдержала вздох.

Большая капля упала с неба прямо на наши руки. Петербургское солнце, такое редкое и обманчивое, в один миг сдалось натиску нахмурившихся туч. Воздух, ещё секунду назад пропитанный теплом, резко остыл и потемнел. И за первой каплей последовали другие – ледяные, тяжёлые капли, сливающиеся в сплошной серебристо-серый поток.

Я вздрогнула, остановилась, подняла лицо, и тут же острый холод пронзил кожу. Я промокла за секунду. Мои волосы, заплетенные в легкую косу, раскисли под платком мокрыми прядями. Слеплённая водяной пеленой, я беспомощно замерла, пытаясь сориентироваться.

Но Николай Семенович не растерялся. Не успела я и шага сделать, как его сильная рука уверенно обвила мою промокшую талию, резко потянув за собой.

– Сюда! – он довел меня до небольшой беседки под старым раскидистым деревом. Старый могучий клен густым зеленым шатром укрывал беседку не только от дождя, но и от посторонних глаз.

Меня оглушило тишиной. Грохот дождя стал приглушённым, отдалённым, словно нас накрыл колпак. Лишь отдельные капли, пробиваясь сквозь листву, с лёгким стуком падали на крышу беседки.

Пахло сырой землей, мокрым деревом и парфюмом Николая Семеновича, который не мог смыть даже этот ливень. А он ведь почти и не промок. Только пряди густых волос тяжёлыми линиями опустились на лоб.

Мы молча слушали, как мир утопает в дождевых каплях. Где-то вдалеке кричали такие же застигнутые врасплох любители променадов, но в наше укрытие никто не забегал.

– Вы вся дрожите, – приблизился он и приобнял, пытаясь согреть.

И я действительно задрожала. Но вовсе не от того, что промокла и продрогла, а он внезапной близости между нами.

Это... Это неправильно. Мы знакомы всего день. Он заказал у меня портрет. Но сейчас мы стояли на маленьком островке спокойствия посреди бушующей стихии, огороженные от осуждающих взглядов стеной дождя. И он очаровывал, а я хотела поддаться его очарованию.

– Ольга, – он прошептал мое имя, но за паузой не последовало отчество.

А я хотела бы прошептать его имя в ответ, но отшатнулась в страхе. Как бы я ни пыталась доказать всем вокруг, что мне все равно, я боялась. А если мама или сестры узнают? Анна посмотрит с осуждением. Мария посмеется, ведь я так же легкомысленна, раз позволила первому встречному себя поцеловать. А мама ничего не скажет, но покачает головой.

Он удивленно посмотрел на меня, а я сделала пару шагов назад.

– Мне нужно идти. Мама и сестры будут ждать меня к ужину, – я даже не покривила душой, время близилось к вечеру, а мне еще нужно было дойти до дома.

– Я могу проводить Вас, Ольга Георгиевна, – он тут же вернулся к вежливо отстраненной форме обращения.

– Не стоит! – выпалила я резче, чем сама ожидала. И тут же поспешила сгладить ситуацию, – Мы ведь скоро увидимся.

– Завтра, если Вам будет угодно, – кивнул Николай Семенович. – Приходите по этому адресу, – он протянул мне визитную карточку на плотной бумаге с золотым тиснением. Она сама как произведение искусства!

– Да-да, – я быстро схватила визитку, спрятала в карман брюк и спешно пожала руку. – До завтра!

Не дожидаясь ответа, я выбежала под дождь, надеясь, что холодные капли остудят мои пылающие щеки. Но как бы далеко я не убегала от беседки, мысли раз за разом возвращались к его объятиям и такому нежному «Ольга».

А ведь мы увидимся уже завтра. Не стоило мне соглашаться, но теперь уже поздно. Новый вызов в виде портрета манил, как и краски с деньгами. Внутренний голос шептал, что это мой шанс добиться известности. И все же маленький червячок сомнений не давал успокоиться. Как неудачный мазок не в том месте, что гложет, пока не замажешь его.

## Глава 4. Ужин признаний

Вечером того же дня семья Вороновых собралась на традиционный ужин. Дарья Тимофеевна безразлично помешивала в тарелке вареную репу. Анна в сотый раз прокручивала в голове разговор с мамой и сестрами, страшая их реакции на новость о ее трудоустройстве. Мария мечтательно вспоминала сегодняшнее удачное знакомство с мадам Готье, примерку платья и нежные прикосновения шелковой тафты к коже. И только Ольга еще не вернулась домой.

Громкий скрип двери возвестил о ее приходе.

– Проше прощения, татап, я увлеклась этюдом, а потом пошел дождь и... – она шмыгнула носом совсем не как леди и выжала с волос струйку воды. А после быстро переделалась и села за стол.

Анна послала сестре холодный осуждающий взгляд, но мама как обычно не заметила случившегося.

– Как ваши дела, девочки мои? – спросила Дарья Тимофеевна, не глядя на дочерей.

– Я заказала платье.

– Я устроилась гувернанткой.

– Мне предложили написать портрет.

Три голоса эхом пронесли по комнате.

– Вы у меня такие умницы, – но Дарья Тимофеевна едва ли услышала хоть одну из дочерей. Ее пустой блуждающий взгляд опустился на тарелку, и она снова принялась мешать репу. Сегодня для нее был тяжелый день. Она разорвала последнюю нить, связывавшую ее с прошлым, с ее любимым мужем ради будущего дочерей. Но легче не стало. Боль не прошла, теперь к ней добавилось одиночество.

А вот девочки прекрасно слышали друг друга.

– Ты пошла в гувернантки? – обычно Марию не очень волновала жизнь сестер, тем более что ничего интересного ни у Анны с ее учением, ни у Ольги с ее творениями не было. Но Анна всегда повторяла, что не оставит своих сестер, а потому Марию весьма удивило столь неожиданное решение.

– Да, – Анна старалась звучать спокойно и уверенно, но в глубине души все еще сомневалась, правильно ли поступает, оставляя мать и сестер. Особенно после того, что произошло в доме Дубовских. Но об этом она решила не рассказывать семье.

– И к кому же? – полюбопытствовала Ольга, отправляя в рот очередную ложку.

– В семью графа Дубовского.

– Он же умер, – сказала Ольга быстрее, чем поняла, насколько это было бестактно. – Ой...

– Глупая! – тут же вклинилась в беседу Мария. – То был старый граф. А у него ведь сын есть, теперь он получил наследство и титул.

Знатные аристократы всегда интересовали ее больше, чем философия, языки или рисование. В изучении родословных Мария хотя бы видела практический смысл, как и в танцах с этикетом. Читать же книжки или пачкать холсты казалось ей абсолютно бесполезным занятием.

– Сама глупая! – показала Ольга язык в ответ.

– Прекратите, – устало перебила их Анна. Можно было сколь угодно убеждать себя, что ее сестры выросли, однако ж за столом они по-прежнему дурачились совсем как дети. Она повернулась к Ольге и объяснила, – Да, старый граф Дубовский умер, но у него осталось трое детей. Старший сын Алексей нанял меня для своей сестры Бетси.

– И как она? – с нескрываемым интересом спросила Мария.

– Мы пока с ней не познакомились, – призналась Анна, покраснев до кончиков ушей, умолчав о другом знакомстве. Знакомстве, которое очень хотелось бы забыть, да только жар на губах постоянно не давал вычеркнуть его из памяти.

– Получается, ты теперь уедешь? Чур, я заберу твоё одеяло, – Ольга не стала тратить время зря.

– Я буду приходить по четвергам. У меня выходной в этот день.

– Без проблем, – по-хозяйски разрешила сестра. – Но одеяло я все равно заберу.

Это детское ребячество Ольги вызвало у Анны улыбку. В конце концов, Анна любила своих сестер, пусть иногда и бывала к ним излишне строга, ведь ей пришлось заменить им мать.

– Тебе заказали портрет? – теперь настал черёд Ольги отвечать на вопросы.

– Да, – кивнула она с деланным равнодушием. И больше не сказала ничего.

– И? Ты согласилась? – с нетерпением затеребила сестру Мария.

– Маша, она же ненавидит писать портреты, – заметила Анна.

– Ой, да, помню, как однажды ты нарисовала портрет папы. У него такой смешной нос был. Вылитая картошка! – рассмеялась Маша.

– Замолчи ты! Замолчите обе! – Ольга оскорблено вскочила из-за стола и села обратно, надувшись. – Я согласилась, понятно?

– Отчего же не понять, – не стала ещё больше выводить из себя Ольгу Анна. – Расскажешь нам, кто заказчик?

На лице Ольги отразились сомнения. Не столько потому, что она не хотела делиться с сестрами, сколько из опасений сказать лишнее. Ведь сцена в беседке все ещё не шла у неё из головы, все ещё давила своей неправильностью и одновременно волшебством момента.

– Один богатый меценат. Тот, что купил вчера мою картину. Ему очень понравилось, как я использую цвета, поэтому он сделал мне весьма щедрое предложение, – без лишних деталей скороговоркой вымолвила она.

– А имя у мецената есть? – скрытность сестры напрягла Анну.

– Николай Семенович Мельников, – произнесла Ольга, и от звука его имени её сердце забилося чаще. Чтобы скрыть охватившее её беспокойство, она перешла на грубость, – Скажи ещё, что знаешь его.

– Нет, просто интересно, – усилием воли Анна сохранила спокойствие. Как творческий человек, Ольга часто фонтанировала эмоциями, и главное было не поддаваться её порывам, чтобы избежать ненужных ссор. – Я очень рада, что ты добилась такого успеха.

– Спасибо, – искренне улыбнулась Ольга, растаяв от признания таланта. Она была счастлива, что Анна не стала больше ничего уточнять, а потому сняла свою колючую броню.

– Может, кто-нибудь уже поинтересуется у меня про платье? Или никому неинтересно? Нет? – Марии было невыносимо трудно не находиться в центре внимания даже несколько минут. В отличие от сестер она не собиралась скрывать то, как жестоко с ней обошлись в салоне мадам Колетт, как и свое случайное, но такое удачное знакомство с мадам Готьё. С искренней открытостью она была готова рассказать всем и каждому, что в мире ещё есть добрые люди, и что если очень верить, чудо обязательно случится.

Вот только сестры лишь по-доброму рассмеялись в ответ на её вопрос. Что-что, а платья интересовали их меньше всего.

## Глава 5. Анна

Прошла почти неделя с тех пор, как я переехала в дом Дубовских. Первые дни тяжело было привыкнуть к тому, что в этом доме не слышно ни сопения Марии, ни храпа Ольги, ни завывания ветра под крышей. Поначалу я даже с трудом засыпала под теплым одеялом, которое действительно согревало все тело, а не как дома просто прикрывало ноги, но постепенно я перестала путаться в коридорах и начала высыпаться по ночам.

Однако тепло в этом доме встречалось разве что в каминах да одеялах – во время ужинов никто не разговаривал, так уж тут было заведено. Братья Дубовские редко общались между собой, будто неведомая пропасть разделила их двоих, и если Алексей являл собой образец холодной отстраненной воспитанности, то Михаил притягивал озорной живостью глаз и авантюризмом. И все же я предпочитала держаться подальше от них обоих, ведь моя цель – воспитание Бэтси.

А Елизавета Дубовская или, как ее называли все в доме, Бэтси оказалась настоящим ангелом в теле десятилетней девочки. И дело было не только в ее красоте, хотя невозможно было отвести глаз от ее золотых кудряшек, непокорно выбивающихся из строгого пучка, который она должна была носить по желанию своего брата – новоиспеченного графа Дубовского. А ее голубые глаза, в которых словно разлилось летнее небо, смотрели на меня так серьезно и одновременно по-детски наивно, что сердце замирало в груди. Едва ли стоило сомневаться, что через несколько лет, когда Бэтси будет дебютировать в свете, она произведет настоящий фурор.

Но и характером моя ученица отличалась ангельским, совершенно далеким от избалованности и капризности, свойственной отпрыскам знатных родов, воспитанных в достатке. Я видела в ней Марию, особенно когда она забавно дёргала стройными ножками в аккуратных туфельках, заскучав на уроке греческого языка – он давался ей так же тяжело, как и моей сестре. А когда Бэтси, задумавшись, выводила пером узоры вместо букв, она напоминала мне Ольгу. И даже на меня моя ученица была очень похожа – особенно когда задавала вопрос, совершенно несвойственный её столь юному возрасту.

Однажды, во время урока фортепиано, Бэтси вдруг остановилась, подняла на меня свои небесные глаза и спросила:

– Мадемуазель Анна, могу ли я задавать Вам вопрос?

– *Bien sûr, seulement en français, jeune demoiselle*[1], – улыбнулась я в ответ. Пусть любопытность для молодой девушки и считалась губительной, я все же не могла не поддержать развитие юного пытливого ума.

([1] Прим. автора: фр. Конечно, только на французском, юная леди).

– *Que reste-t-il d'une personne quand elle meurt?*[2] – произнесла она нараспев с безупречным французским произношением.

([2] Прим. автора: фр. Что остаётся от человека, когда он умирает?)

От этого вопроса по моей спине пробежали мурашки, ведь он напомнил мне тот страшный день десять лет назад, когда мы с сестрами впервые встретились со смертью. И вот Бэтси, мой маленький ангел, тоже пережила трагедию. Стар и млад, богат и беден – все мы равны перед Господом, но как же больно слышать из детских уст такие вопросы!

– Бэтси... я... – промямлила я, забыв про французский.

– Миссис Эванс говорит, что только кости. Но разве человек настолько прост, чтобы от него оставалась лишь брэнная плоть? Разве в нас нет чего-то большего, чем просто тело?

Многие люди боятся подобных тем – смерть для них как темная тень, что выплывает из-за угла и несет с собой горечь потери. Бэтси же говорила о ней просто, с обезоруживающей непосредственностью, продолжая болтать ногами за фортепьяно в такт неведомой мелодии. И

это, признаться, напугало меня куда сильнее, чем сам её вопрос: эта безмятежность и юная отрешённость от горя вызывала у меня дрожь. В её глазах я впервые увидела несвойственную её возрасту тяжелую серьезность и глубину понимания, которая приходит к тем, кто потерял самое важное.

– Почему ты задаёшь мне этот вопрос, милая? Что тревожит твоё сердечко? – спросила я, стараясь скрыть волнение.

Бэтси внезапно замерла, а затем, не поворачивая головы, она едва заметным движением пальчиков подозвала меня ближе к себе. Я присела рядом с ней, чувствуя её дыхание на своей щеке, и она еле слышно прошептала мне прямо на ухо:

– Мои рара и тапан. Их больше нет. Они умерли. Я видела. Но...

Девочка запнулась, и я увидела, как в её глазах стали собираться слезы.

– Я каждую ночь слышу голос тапан. Она поёт мне колыбельные, как делала это раньше. Мелодия тихая, далекая, но такая знакомая...

– Ты говорила об этом кому-нибудь?

На мой вопрос Бэтси отрицательно покачала головой, и пучок рассыпался золотыми кудряшками по её плечам, как солнечный свет.

– Я думаю, что мои братья... Они не поймут меня. Сочтут это женскими бреднями. А вы... Я слышала, как мой брат говорил, что Вы тоже рано лишились отца. Вот я и подумала... Может, Вы поймёте меня.

Мое сердце сжалось, я медленно провела рукой по ее золотистым завиткам и взяла её хрупкую девичью ладонь в свою руку. Ее кожа была такой нежной и прохладной.

– Иди сюда, милая.

Я подозвала её ближе и вопреки всем правилам обняла так крепко, как обнимала своих младших сестер, когда просыпалась от их тихого поскуливания по ночам после смерти нашего отца.

– Миссис Эванс не права, милая. От человека остаётся не только прах. От человека остаются воспоминания, которые хранятся в сердцах тех, кто его любил. После него остается любовь, которую он сам нам дарил. Слова, которые он говорил. Мелодии, которые он пел... Всё это остаётся с нами навсегда, Бэтси. Память об умершем – это бессмертие человека.

От моих слов Бэтси доверчиво прильнула ко мне, словно маленький котёнок, и я нежно погладила ее по голове. Она всем своим маленьким телом прижалась ближе, желая получить толику душевного тепла словно после долгих скитаний в холоде и голоде. Казалось, она соскучилась по ласковым рукам и объятиям – неудивительно, ведь ни один из её старших братьев не был похож на того, кто мог бы подарить ей нежность и доброту.

Бэтси имела всё, что можно купить за деньги: красивые наряды, изысканные куклы, музыкальные шкатулки... Но в этом огромном, холодном доме она всегда была лишь маленькой тенью, едва заметной среди роскоши и величия.

Легкая ткань моей рубашки стала намокать – Бэтси тихо плакала, уткнувшись в меня.

– Miss, it's time for your afternoon nap[3], – услышала я за спиной резкие, как скрежет металла, строгие английские слова. А затем, в голосе прозвучало удивление, смешанное с нескрываемым раздражением: – Что это есть? Какая vulgarity[4]!

([3] Прим. автора: англ. Мисс, Вам пора на дневной сон).

([4] Англ. вульгарность).

– Миссис Эванс, – ответила, еще крепче прижав Бэтси к себе, – думаю, сегодня Бэтси вполне обойдется без дневного сна. Лучше заменить его прогулкой по саду – на улице замечательная погода.

– No, дневной сон не отменяться! Расписание – закон.

– Но...

– Вы should[5] следовать расписание, – холодно проговорила дама и добавила с твердостью, – Его составлять граф.

([5] Англ. должны).

Миссис Эванс резко дёрнула девочку за руку, обрывая нашу хрупкую связь. Маленькая Бэтси с сожалением взглянула на меня своими огромными, полными печали голубыми глазами и послушно, без единого слова протеста, последовала за строгой женщиной.

– Я не хочу идти с тобой! Отпусти меня! – неожиданно донесся из коридора полный отчаяния детский голос. – Я хочу остаться с мадемуазель Анной!

Не в силах оставаться безучастной, я выбежала в коридор и увидела, как Бэтси, словно загнанный в клетку зверёк, отчаянно пытается вырваться из цепких объятий миссис Эванс. Она извивалась, кричала, но властная рука мадам держала её мертвой хваткой, подчёркивая, что никаких исключений из правил не будет.

– Плохой девочка! – мисс Эванс замахнулась, но я успела перехватить ее руку. – Что Вы делать? – удивилась она.

– Даже не думайте, – едва ли телесные наказания когда-нибудь выйдут из моды, но я хотела бы верить, что будущее педагогики лежит в иной плоскости, а потому бить ребенка в моем присутствии не позволю.

– Я доложить об этом граф.

Руку миссис Эванс пришлось отпустить, но больше она не пыталась ударить Бэтси. Просто схватила ее покрепче и потащила дальше по коридору.

– Мы обязательно с тобой прогуляемся и продолжим наш разговор, – выкрикнула я вслед уходящей Бэтси, пытаясь вселить в неё хоть немного надежды. – После сна. Я обещаю!

Но они уже исчезли за поворотом коридора, а я стояла в тишине, ощущая, как в воздухе повисло тягучее, отстраненное одиночество. Казалось, здесь, среди всей этой роскоши и богатства, нежность была запретным плодом, а искренние чувства – непростительной слабостью.

Я вернулась в свою комнату, но после произошедшего духота дома стала невыносимой. Сердце требовало свободы, а легкие – свежего воздуха. Я отчаянно боролась со своим желанием ворваться в кабинет графа Дубовского и высказать ему в лицо все, что я думала о нем, о мисс Эванс, о методах воспитания Бэтси, но... я не могла позволить себе совершить такой безрассудный поступок – мне нужна была эта работа, чтобы поскорее выкупить кольцо матери.

Чувствуя себя узницей, я, не раздумывая ни секунды, взяла с тумбочки дорогой моему сердцу томик Вольтера, и почти бегом устремилась вниз по лестнице, в сад. словно мотылек, летящий на свет, я рвалась к зелени и солнцу, подальше от серых стен и строгих правил, которые придумал для всех новоиспеченный хозяин дома.

И только там, в саду, среди медленно пробуждающейся ото сна природы, я наконец вздохнула с облегчением.

Пока за моей спиной вдруг не раздался знакомый мужской голос, от которого я вздрогнула всем телом, словно от удара хлыстом:

– Кажется, Вы оказываете дурное влияние на Бэтси. Её крики были слышны по всему дому.

Я не стала оборачиваться. Если Алексею Дубовскому я готова была с гневом высказать все, что думала о нем в лицо, но не делала этого из опасений потерять работу, то с Михаилом я даже говорить не хотела.

– Зачем Вы пообещали Бэтси прогулку после сна? Зачем солгали ей? Этого нет в её расписании, – в его голосе звучал укор, но без нравоучения, а с легкой иронией, будто его позабавило произошедшее, но не более.

Я не ответила на его вопрос, но замерла в оцепенении, ведь за все эти дни я старательно избегала любого контакта с графом Дубовским... младшим. После того инцидента в его спальне... одна мысль об этом заставляла кровь приливать к щекам.



– Надежда украшает нам жизнь, – процитировал мужчина Вольтера. Не ту книгу, что я держала в дрожащих руках, но тоже достойное сочинение. «Кандид, или Оптимизм» – странно, не встречала эту книгу в библиотеке. А он тем временем продолжал, – Не слишком ли рано для таких уроков девочки её возраста?

– А что бы предложили Вы? – рискнула я обернуться в его сторону.

Михаил Дубовский растянулся в широкой, хищной улыбке, проведя языком по нижней губе, и у меня тут же перехватило дыхание, ведь вкус его поцелуя оставил в моей памяти глубокий след: терпкий табак, изысканная горчинка бергамота и легкая кислинка чая с лимоном.

– В Европе сейчас модно читать братьев Гримм, – произнес он, глядя на меня в упор. В его глазах плясали черти.

– Не слишком ли мрачно для девочки её возраста? – парировала я, пытаюсь скрыть охватившее меня волнение.

Он неожиданно протянул ко мне руку и резко выдернул у меня книгу, а после провел краешком томика по моим губам, словно лаская их, и это легкое прикосновение обожгло меня, словно пламенем свечи.

– Отдайте книгу, – я сделала шаг назад, чтобы отстраниться, и протянула руку за своим томиком, но вместо того, чтобы отдать его, он схватил меня за руку и притянул в кольцо крепких рук. – Отпустите меня. Немедленно!

– Почему вы не смотрите мне в глаза, Анна Георгиевна? – выдохнул Михаил в мои слегка приоткрывшиеся губы, проигнорировав мои требования. – Почему избегаете даже мимолетного соприкосновения взглядом со мной? И почему Вы так краснеете, когда видите меня?

– Вам это показалось.

– Да?

– Да.

– Не думаю, – ухмыльнулся в ответ Михаил, и кончик его острого носа едва коснулся моей пылающей щеки, словно нечаянно.

У меня в животе сотни бабочек взмахнули крыльями.

Михаил Дубовский был очень красив, настолько, что мог бы быть героем женского сентиментального романа: высокий, статный, с точеными чертами лица и пронзительным взглядом, от которого мурашки бежали по коже, и в то же время ветреный повеса, сердцеед и, судя по всему, мерзавец по натуре.

Эта опасная смесь притягивала и отталкивала одновременно.

Терпкий табак, изысканная горчинка бергамота и легкая кислинка чая с лимоном – теперь этот вкус преследовал меня, постоянно ощущался на губах, словно невидимая печать.

– Отпустите меня, – прошептала я, пытаюсь восстановить дыхание. – Иначе я всё расскажу вашему брату!

Он усмехнулся, словно мои слова его позабавили, и неожиданно, без единого слова, высвободил меня из своих рук, позволяя отступить на безопасное расстояние. Выхватив томик Вольтера из его рук, я, слегка склонив голову, быстрым шагом пошла по извилистой дорожке сада, петляющей между кустами и деревьями, в противоположную от него сторону, а он последовал за мной, его уверенные шаги так быстро держали ритм, что били в унисон с бешено стучащим в моей груди сердцем.

– Вы все еще обижены за ту неловкую ситуацию? – выкрикнул он мне вслед.

– Неловкую? – переспросила я, не останавливаясь, но чуть повернув голову в его сторону. – Это было крайне возмутительно, и Вам следовало после этого хотя бы...

Он обогнал меня стремительным шагом и преградил дорогу, снова нарушив все границы приличия. Непозволительно близко, глаза в глаза, и от этого легкое покалывание пробежало от сердца до кончиков пальцев.

– Что? Жениться на вас? А вы бы пошли за меня, Анна Георгиевна?

Его слова повергли меня в праведное возмущение. Чем дальше, тем более вульгарными становились эти намеки, а ситуация обростала двусмысленностью, будто за его насмешкой скрывалось что-то большее, что я была не в силах понять.

– Да как вы смеете? – воскликнула я, вскинув голову и впервые взглянув своему страху в глаза. – Конечно же, нет!

– Отчего же? – ухмыльнулся он в ответ, ему явно было забавно наблюдать за моей реакцией. – Считаете, что я слишком ветреный?

– А разве есть повод вас таковым не считать? – парировала я, не отступая ни на дюйм, хоть сердце и бешено колотилось в груди. – Вы ведь даже не извинились передо мной за ту дерзость, которую себе позволили!

– Так вот в чем дело! – он хлопнул себя рукой по лбу и сделал удивленное лицо, будто не догадывался, какое оскорбление мне нанес. Но я не поверила в театр этого актера, поэтому он тут же стал серьезным, из-за чего я напряглась еще больше, ведь теперь его глаза загорелись заговорщицким огнем. – Хорошо, признаю, был не прав. Мое поведение далеко от моего идеального братца, и все же я не бесчестный человек. Мне жаль, что наше знакомство началось с этого нелепого недоразумения.

От резкой смены настроения Михаила я совершенно растерялась, поэтому только промямлила в ответ:

– И мне жаль.

– В таком случае позвольте мне загладить свою вину. Я заметил, что Вы увлекаетесь французскими просветителями, поэтому хотел бы пригласить Вас на одно мероприятие. Уверен, Вам оно понравится. К тому же, мы сможем узнать друг друга получше, познакомиться, так сказать, заново.

– Мне кажется, это лишнее, – пробормотала я тихо, надеясь, что он оставит меня в покое.

– Почему же? Что плохого в том, что два увлеченных философией человека побеседуют друг с другом? Люди ведь на то и созданы, чтобы помогать друг другу[6]. Особенно помогать находить истину.

([6] Прим. автора: цитата из произведения Вольтера «Кандид, или Оптимизм»).

Еще Сократ говорил, что истина рождается в диалоге, однако возможность вести с Михаилом разговоры, пусть и философские, меня пугала.

– Я не могу принять Ваше приглашение, – покачала я головой, и добавила уже увереннее. – Я не доверяю Вам и не горю желанием проводить с Вами время наедине.

– Разве ж кто-то сказал, что мы будем наедине? Что Вы, это встреча всех любителей поразмышлять об истине и жизни, о прошлом и будущем. Право слово, поверьте, Вам не стоит ничего опасаться.

– Я не думаю, что это...

– Подумайте. Хорошенько подумайте. Время еще есть, Вам не обязательно давать ответ прямо сейчас, – усиленно не желал мириться с отказом он. – В конце концов, когда еще у Вас появится шанс узнать побольше о своем отце.

– О моем отце? – я недоуменно посмотрела на Михаила. Что он может знать о моем отце, чего не знаю я?

В ответ он лишь загадочно улыбнулся.

– Подумайте над моим предложением, Анна Георгиевна. И соглашайтесь. Поверьте, Вы не пожалеете.

– Я подумаю над Вашим предложением, – пробормотала я, чувствуя себя загнанной в угол, словно маленькая птичка, попавшая в сети опытного охотника.

## Глава 5. Мария

Я кружилась перед старым буфетом, тщетно силясь разглядеть в его маленьких стеклах отражение своего великолепия. Но слой пыли так прочно въелся в стекла, что я казалась себе былой роскоши и счастливой жизни, скрытой дымкой времени.

Совсем другое дело – зеркало в ателье! Вот там я выглядела настоящей красавицей. Корсет с легким кружевом изящно подчеркивал мою фигуру, юбка струилась по ногам, а сам красный цвет... Мне он так понравился! Павел оказался прав: он идеально оттенял мою бледную кожу и делал мои глаза ярче.

Когда мадам Готье меня увидела, она тут же воскликнула:

– Мари, ты настоящий рубин, освещающий своей красотой мрак этой жизни.

Рубин... Её сравнение очаровало меня до глубины души, и я тогда не смогла сдержать довольной улыбки. Улыбки с мягким теплом удовлетворения, которая растянулась на губах сама собою. Да, я знала, что красива, но слышать мнение со стороны было не менее приятно.

Я уже представляла, как войду в дом Обленских. Триумфально вернусь туда, где провела свое детство, и откуда была вытеснена жестокой судьбой. Шелест тонкой ткани, легкое постукивание каблучков балетных туфель о паркет... И, конечно, Павел, который введет меня за руку обратно в высшее общество.

– Машенька, не слишком ли яркое платье? – спросила матушка немного тихим, дрожащим голосом, вырывая меня из объятий мечтаний. В ее словах сквозила не то тревога, не то укор.

Казалось, мама впервые заметила мое присутствие в комнате. До того она сидела в любимом кресле рара – напоминании о нашем славном прошлом – и куталась в свой старый драдедамовый платок. Словно зачарованная, она смотрела на руки, как будто пыталась найти там что-то очень важное. Кольцо? Может быть. Я перестала понимать ее после смерти отца.

По комнате разливалась тихая, печальная мелодия из старинной музыкальной шкатулки – подарок отца, на ее последний день рождения до его смерти...

– Вам не нравится? Павел захотел увидеть меня в красном, – ответила я, стараясь придать своему голосу бодрость, и пригладила кружевные оборки на алой тафте, словно пытаюсь унять собственное волнение.

Матушка медленно повернула ко мне свое бледное, осунувшееся лицо. В ее глазах, обычно лучистых и полных жизни, сейчас плескалась лишь тихая, безутешная печаль.

– Машенька. Павел... Он хороший мальчик, но... – начала она, запнувшись, словно не решаясь высказать свои мысли до конца. – Но платье малость...

В этот момент во входную дверь раздался громкий, настойчивый стук, так и не дав моей матери договорить.

– Это бабушка! – радостно вскрикнула я.

Наконец-то! Она все-таки пришла! Я уже чуть было потеряла надежду. Ту самую надежду, что ярким лучом пронзила мрак последних месяцев и заставила мое сердце биться чаще. Надежду, что я смогу-таки вырваться из этой тоскливой нищеты и вернуться туда, где мне положено быть. В свет!

Все эти дни бабушка молчала, тянула с ответом. Я начала думать, что письмо не дошло, потерялось по пути, выпало у почтальона... Да мало ли что может случиться с письмами!

Но она все-таки пришла. Она нашла время для меня, решила помочь мне устроить свою судьбу. Пусть бабушка и была женщиной строгих правил, ненавидевшей мезальянсы в целом и брак моего отца с мамой в частности, я всегда верила, что в глубине ее души теплится искра любви ко всем нам, ее внукам. И я была права!

Я подбежала к двери, на ходу пытаюсь унять внезапно возникшее волнение. Быстро пригладил непослушные локоны. Им лишь бы торчать в разные стороны, их не волновало, что бабушка предпочитала аккуратность. Да и в моде нынче «узел Аполлона», подобие которого я попыталась соорудить на голове, а не прическа à la sacrifié[1].

([1] Прим. автора: прическа à la sacrifié (фр. «прическа жертвы») – популярная в начале XIX века прическа в виде коротких кудрей как подражание приговорённым к казни на гильотине.)

Как же я хотела, чтобы Екатерина Петровна оценила! Моя властная и строгая бабушка всегда отличалась особым вкусом в моде: платье по-французски на фижмах с высокой прической пуч с перьями и цветами. Ее верность роскоши граничила с маразмом, но я неизменно восхищалась вкусом этой женщины.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоить биение сердца, я распахнула дверь. Но вместо статной, высокой дамы с придиричиво-привередливым взглядом я увидела...

– Маргарита? – невольно вырвалось у меня, в голосе смешались удивление и легкое разочарование.

– Ах, Мари! Вы выглядите просто великолепно! – воскликнула моя новая знакомая, одарив меня улыбкой. – И эта прическа... Вы будете сиять.

– Машенька, кто там? – раздался из комнаты слабый, чуть слышный голос.

А Маргарита, не дожидаясь приглашения, грациозно переступила порог и вошла в нашу квартирку. Ее шелковое платье, расшитое серебряными нитями, тихо зашуршало. Она окинула быстрым, оценивающим взглядом скромную прихожую, задержав взгляд на облупившейся краске стен и старой, потертой ковровой дорожке, и сразу же прошла в комнату, не разуваваясь и не скинув свое манто.

– Кто Вы? – в глазах матери промелькнуло удивление, но тут же сменилось привычным безразличием, будто спрашивала она скорее из вежливости, чем из интереса.

– Маргарита, – мягко протянула ей руку моя новая знакомая, словно желая рассеять гнетущую атмосферу вокруг. Мой взгляд невольно задержался на шелковой перчатке гостьи. Сетчатая, сшитая по последней моде, искусно украшенная замысловатой вышивкой – она была воплощением элегантности и богатства. – Мадам Маргарита Готье.

– Дарья Тимофеевна, – сухо представилась мать, проигнорировав протянутую руку. – Что привело Вас в наш скромный дом, мадам Готье?

– О, я всего лишь хотела удостовериться, что моя дорогая Мари готова к приему, – моя новая знакомая повернулась ко мне и посмотрела с такой теплотой. Так матери смотрят на своих детей, но моя мама вот уже десять лет смотрела лишь в пустоту.

– Мари? – что-то изменилось во взгляде матери. Она перевела на меня встревоженный взгляд. – Ты знакома с этой женщиной?

– Да, – глупо было бы отрицать очевидное. – Маргарита помогла мне с платьем. Она замечательный человек! Она отвела меня к своему портному, когда меня выгнали из салона мадам Колетт.

– Тебя выгнали? – мои неожиданные откровения вызвали у матери гримасу боли и непонимания. – Почему ты ничего не сказала?

Как будто я не пыталась! Но всем гораздо интереснее было послушать про новую работу Анны и про портрет, который заказали Ольге.

Отвечать я не стала. Вместо меня слово взяла Маргарита:

– Что было, то прошло. С каждым может произойти такое недопонимание, что уж теперь бередить раны прошлого?

Матушка весьма невежливо прервала речь Маргариты движением руки.

– Я благодарна Вам за помощь моей дочери, – обратилась она к Маргарите строгим, официальным тоном. – И попрошу Вас выставить счет, ведь я прекрасно осознаю, что тех скромных средств, которые я дала дочери, явно не хватило бы на эту восхитительную красоту.

– Что Вы такое говорите, Дарья Тимофеевна? Бросьте, не думайте даже. Я ведь от чистого сердца, по велению души!

Вот именно! Как матушка вообще могла подумать дурное? Маргарита так искренне стремилась мне помочь. Она, словно ангел-хранитель, что сошел с небес ко мне в трудную минуту. Такой добрый и отзывчивый человек! И так оскорбить ее холодным приемом и требованием счета... Я была готова провалиться сквозь землю из-за матери.

– Отнюдь, – возразила моя мать, в ее голосе послышалась неприкрытая горечь. – Я, к сожалению, по своему опыту знаю, что за все в этом мире приходится платить. Даже за доброту и сочувствие.

Маргарита пронзила мою мать долгим, изучающим взглядом. Неодобрительным... Или мне просто показалось?

– Ах, да! Чуть из головы не вылетело! – прервала затянувшееся молчание Маргарита. – На входе в дом я пересеклась с неким господином, который искал вашу семью. Я сказала, что тоже направляюсь к вам, и он попросил передать это письмо.

Она протянула запечатанный конверт моей матери. И я сразу же узнала герб дома Вороновых на сургучной печати.

Бабушка! Все-таки ответила! Но почему не пришла лично? Быть может, она уже ждет меня у особняка Обленских? Вдруг я опоздала, и теперь Екатерина Петровна не захочет меня сопровождать?

Моя матушка, сухо поблагодарив Маргариту за доставленное письмо, дрожащими руками вскрыла конверт. На ее лбу пролегли глубокие морщины. Она, нахмурившись, стала жадно вчитываться в каждую строчку. Легкая дрожь пробежала по ее телу. Точно с таким же окаменевшим лицом она читала когда-то письмо о кончине нашего отца. Помню, в тот миг мир вокруг померк и погас. И сейчас, глядя на ее бледное, измученное лицо, я с ужасом подумала, что прошлое вновь пытается настичь нас, расправив свои костлявые крылья.

– Ну что там, матушка? Что пишет бабушка? – взволнованно спросила я, чувствуя, как слабая надежда опять начинает таять, словно первый снег под лучами весеннего солнца. – С ней все в порядке? Она будет ждать меня у Обленских?

– С ней все в порядке, – повторила за мной мать, как будто пытаясь оттянуть момент неизбежного разочарования. Что-то в моей груди треснуло. Я уже догадывалась, что она скажет дальше. Но, к удивлению, услышала совсем не то. – У твоего дяди родился сын. И Екатерина Петровна сейчас занята хлопотами по организации крестин своего первого внука.

– Какое чудо! – воскликнула я, прихлопнув в ладоши. От сердца отлегло! Надо же, теперь я тетя. – Нас пригласили на крестины!

– Нет, Машенька. Нас не пригласили, – покачала головой матушка. – Она лишь сообщила, что, к величайшему сожалению, не сможет сопровождать тебя на этот прием. И ни на какие другие приемы тоже.

– Но, маман! – в отчаянии воскликнула я. Мой голос дрогнул от подступающих слез. – Как же так?

Я выхватила злосчастное письмо из ее рук, чтобы лично удостовериться в реальности происходящего.

«...У Ее Сиятельства много дел, и забота о будущем неких девиц, коих по странному стечению обстоятельств некоторые считают внучками Ее Сиятельства, не входит в круг обязанностей достопочтенной графини...»

Она даже не удосужилась сама написать письмо! Поручила своему секретарю.

Мои мечты часто разбивались о людскую жестокость. И вот теперь, когда я была так близка к моему дорогому Павлу, к той жизни, для которой была рождена, все снова разлетелось на кусочки.

– Мне очень жаль, Машенька, – устало произнесла матушка, еще плотнее закутываясь в платок.

Горячие слезы, не в силах более сдерживаться, хлынули по моим щекам, оставляя мокрые дорожки на нежной коже. Ярость, обида и отчаяние стали рвать меня изнутри.

Кто придумал эти нелепые правила? Почему я должна была идти на прием только в сопровождении? Почему я не могу сама явиться в гости в дом, куда меня пригласили? В дом, в котором меня ждет Павел...

Ставшая невольным свидетелем этой сцены Маргарита растерянно опустила на ветхий диван. Матушка посмотрела на нее с неодобрением, будто появление этой женщины стало виной моих слез.

А я продолжала плакать, не в силах унять безудержный поток слез, обиженная на весь мир.

И тут Маргарита неожиданно вскрикнула. Так громко, что я вздрогнула и подпрыгнула на месте от неожиданности.

– Да постойте же, милые дамы! – воскликнула моя новая знакомая, и в ее голосе прозвучали неприкрытый энтузиазм. – Думаю, у меня есть решение вашей проблемы.

– Правда? – выдохнула я, и в моей груди робко затеплилась надежда. Не зря я считала ее своим ангелом-хранителем. И как удачно, что Маргарита решила к нам зайти.

– Да, моя дорогая Мари. Я как раз собиралась навестить Обленских, чтобы обсудить некоторые наши... финансовые дела, – пояснила Маргарита, слегка качнув головой и лукаво улыбнувшись. – И раз уж так вышло, я могла бы сопроводить тебя, *ma chère*.

– Маргарита, Вы просто моя спасительница! – все слезы тут же высохли на щеках, и я была готова немедленно отправиться в путь.

Но моя мать не так воодушевленно отреагировала на предложение мадам Готье:

– Машенька, не думаю, что это хорошая идея.

– Но, *тамап*, ты ведь сама говорила, что мне пора выйти в свет и найти там свое счастье, как ты однажды нашла отца. Это мой шанс! Понимаешь?

– Я... я... – растерянно пробормотала матушка, явно не зная, как поступить.

– Ах, Дарья Тимофеевна, я Вас прекрасно понимаю. Волнение за свою дочь, боязнь выпустить ее из-под материнского крыла. Но не стоит переживать! Обещаю Вам, со мной Мари будет в полной безопасности и вернется домой не позднее полуночи. Я лично привезу ее обратно. Ну так что? Не пропадать же такому чудесному платью из-за вредности Вашей свекрови.

Легким движением руки Маргарита заправила один из моих непослушных локонов за ухо, и оценила меня взглядом художника, любующегося своим творением.

– Хорошо, – сдалась матушка под натиском уговоров и обещаний. А я, позабыв о всяком этикете, громко взвизгнула от радости и бросилась ей на шею. И оставила горячий, благодарный поцелуй на ее щеке.

– Будь аккуратна, Машенька, – прошептала мне она, ласково погладив по волосам. В ее голосе была и тревога, и надежда.

– Конечно, *тамап*! – заверила я ее, сияя от счастья, как начищенный самовар.

Я взяла со стола приглашение, подписанное лично рукой Павла. Как же долго оно ждало своего часа! Наверное, оно, как и я, уже не верило, что пригодится сегодня. Но мы все-таки дождались! Наша вера была вознаграждена.

Я протянула приглашение Маргарите, и она расплылась в довольной кошачьей улыбке. Ее холодная рука обвила мою ладонь, мягко забирая приглашение. И вместе мы спустились с чердака к выходу дома, где нас уже дожидался экипаж.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.